

ДОННА ВАНЛИР

Рождественские
тайны

Донна Ванлир

Рождественские тайны

Серия «P.S. С любовью»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67973217

Рождественские тайны: Издательство АСТ; Москва; 2022

ISBN 978-5-17-120316-0

Аннотация

Романы «Рождественская тайна» и «Рождественское письмо», вошедшие в эту книгу, – это трогательные истории о том, как в череде печалей не утратить надежду на чудо.

Кристин Айсли в одиночку воспитывает сына и дочь и каждый день борется за счастливое будущее своих детей. В один момент она теряет работу, вынуждена искать новый дом и защищаться от нападок бывшего мужа. И все это в канун Рождества... Но, когда ранним утром Кристин спасает жизнь незнакомой женщине, она совсем не подозревает, что таинственная цепочка случайностей подарит ей шанс стать счастливой.

Героини второго романа, Гретхен Дэниелс и Мелисса Мак-Крири, точно так же не подозревают, что находятся на пороге больших перемен. Нелюдимая, замкнутая, неуверенная в себе Мелисса никак не может сбросить с плеч груз тяжелого детства. А Гретхен, напротив: не знает, как дальше жить в настоящем – трагедия с мужем вмиг разрушила привычный уют семейной

жизни. Совершенно разные женщины схожи в одном: каждой из них нужно вновь обрести надежду и веру в лучшее.

Содержание

Благодарности	6
Рождественская тайна	7
Пролог	7
Глава первая	14
Глава вторая	42
Глава третья	64
Глава четвертая	90
Глава пятая	120
Конец ознакомительного фрагмента.	126

Донна Ванлир

Рождественские тайны

© Donna VanLiere, 2009, 2011

© Школа перевода В. Баканова, 2019

© Издание на русском языке AST Publishers, 2022

* * *

*Посвящается Анджеле Джентри,
которая каждый день верит в лучшее*

Благодарности

Выражаю особую благодарность:

Трою, Грейси, Кейт и Дэвиду за вечерние игры, парады на лошадях-скакалках, совместные заплывы, поездки в кемпинги, блинчики, встречи с мамой в ресторанах «Чик-фил-Э» и «Жасмин» и особые вечера.

Эсмонд Джен Г., Салли Джен Е., Саре, Мэтту, Таре и Рейчел Экстром (добро пожаловать в команду!) за веру в меня.

Сотрудникам ресторанов «Мериди» и «Меркантайл» за отличную еду и удобное место для работы.

Мери Уикли за неоценимую помощь дома.¹

¹ © Перевод А. Головой.

Рождественская тайна

*Мы водим хоровод, предполагаем,
А Тайна в центре, лишь она все знает.
Роберт Фрост²*

Пролог

Своего отца я не знала и даже не знала, кто так решил – моя мать или он сам. Помню, как по вечерам мама мыла посуду и вглядывалась во тьму за окном, словно ждала кого-то. На лице ее застывало странное выражение: не то тоска, не то отчаянная надежда на несбыточное. Теперь трудно вспомнить. Со временем она погружалась в это состояние все глубже.

Мне было десять, когда я впервые заговорила об отце. Мы с мамой готовились к Рождеству: вытащили искусственную елку из гаража, установили пластиковых Санту и северного оленя на лужайку перед домом. Помню, как колотилось от волнения сердце, пока мы выкладывали бабушкины фарфоровые статуэтки из коробки с елочными игрушками. Я взяла фигурку коровы и поставила ее на журнальный столик. Я

² Роберт Фрост (1874–1963) – один из крупнейших американских поэтов (*здесь и далее – примеч. перев.*).

мучительно подбирала слова, понимая, что больше не могу об этом молчать.

– Скажи, ты бы хотела, чтобы папа жил с нами? – спросила я у мамы, не сводя глаз с бело-голубой фигурки коровы.

Мама продолжила молча доставать игрушки, и ее руки двигались быстро-быстро.

– Жил-был король, – вдруг произнесла она, пристально рассматривая меня поверх очков.

– Где? – тут же поинтересовалась я.

– Ммм, – сказала мама, протирая головку пастушка полрой рубашки. – Очень далеко отсюда. Как-то раз он решил установить посреди дороги огромный валун.

– И как же он его туда притащил? – Я развернула бумагу и вынула игрушечного ягненка.

Мама помолчала.

– Не знаю. Наверное, запряг быка.

– Разве один бык может сдвинуть целый валун?

Мама вздохнула и поправила очки на переносице.

– У него было шесть быков.

– А это не слишком много?

– Сколько же, по-твоему, ему нужно быков?

Я как следует обдумала этот вопрос, пока разворачивала фигурку младенца Иисуса.

– Четыре.

Мама покачала головой и присоединила к остальным фигуркам игрушечную Деву Марию.

– Ну хорошо, пусть будет четыре. Быки вытащили валун на дорогу. Король приказал окатить его водой, чтобы вокруг стало грязно, а сам спрятался и начал наблюдать за путниками. Придворные и солдаты ворчали, когда обходили валун по грязи. Богатые торговцы и знатные люди из соседних стран ругали плохие дороги, но никому и в голову не приходило убрать препятствие с пути. – Мама обложила рождественские фигурки пучками соломы. – А однажды мимо шел крестьянин с мешком.

– Что было в мешке? – спросила я. – Конфеты?

– Ну разумеется, – ответила мама, убирая оберточную бумагу в коробку из-под игрушек. – Увидев валун, крестьянин положил мешок на землю, подобрал ветку потолще, подсунил ее под валун и уперся изо всех сил. Как думаешь, что было дальше?

– Валун не сдвинулся с места!

– Ни на волосок! Тогда крестьянин встал на другой конец ветки и запрыгал по ней что есть мочи. Он прыгал, и прыгал, и прыгал... И?

– И ничего! – сказала я, хватая малютку Иисуса.

– Поставь фигурку на место! – строго велела мама. – Да, он не только не сдвинул камень, но и сам упал в грязь и сильно испачкался. Тогда крестьянин огляделся вокруг и увидел вдалеке быков. Они двигались как раз в его сторону.

Я взяла двух волхвов с флакончиками, наполненными миррой и ладаном, и стала играть с ними, будто они разго-

варивают.

– Поставь на место, разобьешь! – Мама отобрала у меня игрушки и продолжила: – Быки учуяли запах конфет.

Я изумленно уставилась на нее.

– Они ведь были далеко, как же они учуяли конфеты в мешке?

– У быков большие ноздри.

– Размером с блюдца, что ли?! – удивилась я, переставляя Иосифа поближе к яслям.

– Анджела Кристин! – не выдержала мама.

Я вздрогнула. Мама дала мне двойное имя в честь моих бабушки и прабабушки. Обычно она называла меня просто Кристин, а полным именем и сквозь зубы – только когда сильно злилась.

– Это неважно! – Она фыркнула, словно самый настоящий бык. – Ты можешь просто дослушать?! Крестьянин запряг быков при помощи той ветки и виноградной лозы и убрал камень с дороги. К его удивлению, под валуном оказался красный бархатный мешочек с золотыми монетами и запиской.

Я забралась на диван, подбросила подушку к потолку и поймала ее.

– И что там было написано?

Мама села рядом и положила мои ноги себе на колени.

– Там было написано: «Спасибо, что убрали валун с дороги. В знак благодарности примите мешочек с золотом». Подпись: «Король». Так крестьянин получил важный жиз-

ненный урок, к которому рано или поздно приходим все мы.

– Какой? – нахмурилась я, глядя на маму.

– Любое препятствие на пути может сделать жизнь лучше, но перед этим придется немного испачкаться.

Вот так она ответила на мой вопрос об отце.

Мама всегда выглядела как кинозвезда. Ее бледную кожу оттеняли темно-рыжие волосы, которые она могла заколоть на макушке или рассыпать по плечам одним движением руки. Она носила очки в черепаховой оправе, из-за близорукости. Мама работала в местной булочной и по вечерам приносила с собой запахи пончиков и кофе и непременно пакет вчерашнего хлеба и пирожных, изрядно помятых старушками в поисках начинки из сливочного крема. Я часто размышляла о том, как сложилась бы ее жизнь, не будь меня. Внутри нее словно жил другой человек – такой же чудесный, как и тайна, которую она хранила глубоко в сердце.

В том, как мы из года в год отмечали Рождество, не было ничего особенного. Елка, бабушкины рождественские статуэтки и пластиковый Санта – вот и все наши украшения. Мы всегда праздновали вдвоем, так что мама просто запекала цыпленка с картофелем и бобами. В предпраздничные дни мы обязательно писали два письма: одно Санте, где я просила все, что углядела в каталоге подарков к Рождеству, а второе Богу – с благодарностью за то хорошее, что мы могли припомнить: наш дом, мамину работу, Милли (моего плюшевого кролика), Оскара (моего хомяка), страховку, день-

ги, благодаря которым мы смогли заменить водонагреватель, оплатить счета и купить еду. Со временем мы стали писать только одно письмо, которое клали под елку. «Чтобы не забыть», – говорила мама. Кто-то бы назвал это скучным, для меня же это было волшебное время!

Да, волшебное время рядом с мамой и безо всяких валунов на пути. Тогда я и подумать не могла, что однажды стану спотыкаться на каждом шагу без надежды на счастливое будущее. Я выросла, и жизнь превратилась в ежедневную гонку, в которой побеждает сильнейший. У всех бывают времена, когда страшно оглянуться назад, но и вперед посмотреть смелости не хватает. Мы превращаем жизнь в ожидание. Вот и я постоянно чего-то ждала: подходящего момента, хорошей работы, зеленого света светофора, чьего-то звонка, привета из прошлого, начала нового, счастливого будущего...

Однажды я устала ждать. Я хотела знать, ради чего все это. Снова впустить в свою жизнь детское ощущение чуда. Извечный вопрос о смысле существования заставил меня задуматься. Я поняла, что никогда не встречу волшебника страны Оз, сказочного короля или богатого дядюшку Скруджа, и словно очнулась ото сна. Мне захотелось вернуть себе Рождество. Праздник с обычной елкой, когда я до блеска натирала рождественские фигурки рукавом рубашки, держалась за мамину руку в церкви. Для меня стало важным не только понять, откуда передо мной вдруг вырос валун и ради чего мне его обходить, но и заглянуть под него, чтобы обнаружить

бриллиант, стереть с него грязь и заявить: «Оно того стоило!» В тот момент мне казалось, что ожидание никогда не закончится, однако спустя время мое унылое прошлое развеялось как дым.

Я так и не сдвинула валун с дороги, у меня не хватило сил. На помощь мне пришли другие люди – и я, наконец, обнаружила свой бриллиант.

Глава первая

Ноябрь, за год до рождественского чуда

И вот опять зима. Мы еще ходим в легких куртках, но за неделю до Дня благодарения город пронизывает студеный ветер, дни становятся сумрачными и холодными. Все заледенело, и каждый выход за дверь превращается в испытание. Когда я была маленькая, в такие затяжные зимы мама обычно говорила: «Сейчас деревья голые и уродливые, они живут лишь надеждой на весну». С годами я стала понимать, что она имеет в виду, и зима в моей жизни наконец сменилась летом.

Уже в четвертый раз я подошла к двери и выглянула в окно. Дорога по-прежнему пуста. Напряжение сковало грудь и голову. «Ну почему подростки не умеют приходить вовремя?!» – мысленно спросила я, возвращаясь к чашке кофе на кухонном острове. Кофе пришлось выплюнуть: он остыл, пока я ждала Элли, одну из нянек своих детей.

– Мам, поиграй со мной? – попросила Хейли, моя пятилетняя дочка. Она сидела на полу в гостиной с двумя игрушечными собаками. – Ты будешь за Брауни, а я за Женевьеву.

Я вновь шагнула к двери.

– Сейчас не могу. Как только придет Элли, я убегу на работу.

Часы показывали без десяти одиннадцать. Я начинала злиться и, как всегда в такие моменты, с трудом сдерживаемые эмоции заставили меня побледнеть.

– А я снова летала ночью! – похвасталась Хейли, поднимая Брауни над своей головой, словно та летит.

– Во сне?

– Нет, я проснулась и летала по всему дому!

Я неотрывно смотрела на дорогу.

– Это был сон. Ты постоянно летаешь во сне.

На нашей дорожке лежала газета для миссис Мередит, нашей соседки, и я решила отнести ее той на крыльцо. Миссис Мередит было около семидесяти, мы почти не общались, и я чувствовала, что ей и дела нет до меня и моих детей. Прошлым летом шестилетний Зак случайно попал мячом в ярко-красный гибискус на ее веранде, когда они с Хейли играли на заднем дворе. Зак извинился, однако миссис Мередит это не смягчило. Она не привыкла к детям, шум и беготня явно действовали ей на нервы, так что, когда наш почтальон промахивался и ее газета оказывалась у меня на лужайке, я спешила как можно скорее вернуть ее законной владелице.

Я подобрала газету и направилась к двери миссис Мередит. Услышав щелчок замка, я мысленно застонала и подняла глаза. Старушка в дверном проеме потуже затянула пояс розового халата.

– Опять мне подбросили, – сообщила я, протягивая соседке газету.

Мы редко общались, и всякий раз миссис Мередит едва приоткрывала дверь, видимо, считая меня неблагонадежной особой. Я просунула газету в узкую щель и изобразила легкую улыбку.

– Спасибо, – сказала старушка и поспешно захлопнула дверь, пока я не бросилась ее грабить.

– И вам хорошего дня, – пробормотала я под нос.

На дороге наконец показалась машина Элли, и я поспешила в дом за сумочкой.

– Зак, я убегаю на работу! – крикнула я, заглянув за угол коридора, где находилась спальня сына.

Когда я вышла из дома, Элли все еще восседала в машине.

– Совсем совесть потеряла... – пробормотала я, направляясь к девчонке.

– Элли, будь добра приезжать к половине одиннадцатого. Я не могу из-за тебя опаздывать на работу!

Ее светлые волосы были собраны в пучок, глаза подведены черным карандашом, а крупные серьги-кольца свисали аж до подбородка.

– Ну простите, – проговорила Элли, выходя из машины.

Разбираться с ней мне было уже некогда. Я села в автомобиль и сорвалась с места, поглядывая на часы: десять пятьдесят две. «Безответственная девчонка!» – пробормотала я. Напряжение вылилось в головную боль, и я помассировала шею. Меня давно преследовало ощущение, что я бегаю как заведенная, игнорируя сомнения и неудачи, которые растут,

точно снежный ком. Я прибавила скорость, чтобы проскочить Мейн-стрит на зеленый, но не успела. Сердце бешено билось: мне нельзя опаздывать! Я чуть ли не молилась, чтобы начальник не заметил моего отсутствия, однако понимала: – надежды напрасны. Род месяцами изводил меня за опоздания. По радио сообщили время, и я его выключила, чтобы не накручивать себя еще больше.

Изношенные шины противно взвизгнули, когда я повернула на общую для работников ресторана и банка парковку. Хлопнув дверью, я побежала к черному входу. Рене уже выставляла салатные заправки к обеденному наплыву клиентов, и я бросила взгляд на часы: одиннадцать тринадцать.

– Род уже здесь? – спросила я.

– Здесь, – ответила Рене и вопросительно подняла брови.

– Чертова няня! – в очередной раз выругалась я, выставляя порционные заправки на поднос. – Он заметил, что меня нет?

– Боюсь, что да, малыш. – Рене почему-то называла меня «малыш», хотя была едва ли на пять лет старше.

Ресторан «Паттерсон» с самого основания был семейным заведением, пока девять лет назад не умер последний его хозяин. Среди детей и внуков желающих продолжить дело не нашлось, так что ресторан продали, а новые владельцы решили сохранить название. Менеджером дневной смены был Род – стремительно седеющий толстяк за сорок.

– Кристин, ты вообще способна приходить вовремя?

Я внутренне сжалась и повернулась к нему.

– Когда дети в школе, я прихожу вовремя. Меня задержала няня.

Род поскреб остатки волос на макушке.

– И почему твои дети сегодня не в школе?

– Каникулы в честь Дня благодарения, – ответила я, заворачивая столовые приборы в салфетку.

– А на прошлой неделе что тебе помешало прийти вовремя?

В горле встал ком. Я ведь не специально опаздывала, мне действительно фантастически не везло.

– Мой пятилетний сын заболел, пришлось срочно искать няню.

– На все у тебя есть отговорка, – заявил Род, уходя.

Летом он часто закрывал глаза на мои опоздания – а опаздывала я по меньшей мере раз в неделю, – и сейчас его терпение явно подходило к концу.

Мне исполнилось двадцать, когда я вышла замуж за Брэда Айсли. Так случается – вы знаете, что совершаете ошибку, однако уговариваете себя: «Мне нужна машина, и я могу себе позволить только эту. Может, она не так плоха, как кажется?» или: «Конечно, крыша требует ремонта, но мне нужен дом, и этот как раз свободен, так что...» Брэд был неплохим парнем, внешнею природою его не обидела, поначалу я даже считала его обаятельным. Мы познакомились в продуктовом магазине в моем родном городе. Я работала кассиром,

а он раскладывал товар. Брэд продержался там недолго. Жаловался, что руководство совсем не умеет вести дела. Когда он позвал меня замуж, работу он уже потерял. Мне было девятнадцать, и я думала, что ничего хорошего меня в этой жизни не ждет. Мама не могла оплатить высшее образование, а оценки в моем аттестате, хоть и неплохие, не позволяли рассчитывать на стипендию. Вокруг наблюдалось не уж так много подходящих мужчин, так что, когда Брэд сделал мне предложение, я решила: «Что ж, он неплохой парень и зовет меня замуж. Я ведь, в принципе, хочу замуж. Может, у нас все сложится». Но мама знала, что я совершаю ошибку.

– Кристин, ты мечтательная натура, – увещевала она меня через несколько недель после помолвки. – Ты любишь книги, цветы и сидеть на берегу озера. Тебе нужен мужчина, который будет ценить тебя такой, какая ты есть. Не выходи замуж из страха, что больше никто не позовет.

– Я выхожу за него замуж не поэтому.

– Тогда почему? – спросила мама, складывая полотенца в прачечной.

– Брэд – неплохой парень, – ответила я, пытаюсь убедить ее, а заодно и себя. Мама даже не взглянула на меня, чем невероятно меня разозлила. – Да что тебе в нем не нравится?!

– Дело не в нем. Ты права, он неплохой. А я слишком хорошо знаю, каково довольствоваться неплохим. – И она продолжила молча складывать полотенца.

Я прислонилась к машинке и скрестила руки на груди. Мне было недостаточно туманных намеков.

– Прекрати говорить загадками, мам.

Она положила стопку полотенец в корзину для белья и принялась за следующую партию.

– Ты его любишь? – спросила она и посмотрела на меня.

– Конечно, люблю.

Она кивнула и вернулась к делам. Мама верила в это не больше, чем я сама, что меня раздражало. Наконец она закончила работу.

– Мы всегда желаем, чтобы дети жили лучше нас.

– Так в чем проблема? В отличие от тебя я хотя бы выйду замуж.

Это прозвучало жестоко, но в тот момент мне было плевать.

Мама подняла корзину с бельем и пристроила ее на бедре.

– Ты выбрала не того человека!

У меня сдали нервы.

– Он отец моего ребенка!

Она застыла, пораженная. Я не хотела сообщать ей эту новость так. Я вообще не хотела ей ничего говорить, однако понимала, что скоро меня выдаст округлившийся живот. Мама молча обошла меня, и я с трудом сдержала слезы.

– Ты совсем не знаешь Брэда! – Мой голос дрогнул, но она уже скрылась в спальне.

Я схватила сумочку и убежала на работу.

За несколько месяцев до свадьбы Брэд начал унижать меня перед матерью и друзьями; я казалась себе глупой и ненужной. Он то и дело приговаривал: «Ты же ничего в этом не смыслишь, Кристи» или: «Ты что, совсем бестолковая?» Я вышла замуж, надеясь, что после свадьбы моя любовь поможет нам преодолеть мелкие разногласия. Когда Брэд нашел работу в другом городе, мама буквально взбеленилась. Наверное, потому, что понимала: после рождения ребенка мне понадобится помощь, а она – в двух часах езды. Однако нам нужно было переезжать поближе к месту работы Брэда.

Мы переехали, когда я была на шестом месяце. Всего через месяц после рождения сына Брэда уволили. «Руководство совсем не умеет вести дела!» – заявил он, набычившись. Брэд все знал лучше всех. Он возмущался работой спортивных комментаторов и тележурналистов так громко, что я боялась оглохнуть. Работодатели ему попадались исключительно безграмотные, а я так и вовсе была сплошным разочарованием. Я не рассказала матери о том, что мужа уволили, а когда снова забеременела, поняла, что сочиняю, кем он работает, чтобы не сознаваться, сколько он на самом деле зарабатывает. Я не говорила ей о том, что зимой нам дважды отключали электричество за неуплату, что Брэд разбил машину и у нас не оказалось даже страховки, чтобы оплатить ремонт. Когда меньше чем через два с половиной года он решил, что женитьба и отцовство не для него, и бросил меня с двумя детьми, я снова ей ничего не сказала.

Я собралась с духом и все выложила матери только через два месяца после его ухода. Полугодовой Хейли потребовались антибиотики, а денег совсем не было. Мама не накинулась меня с обличительным: «Я же тебе говорила!», нет. Она только спросила, как дела у детей и как у меня с работой, но укорять не стала. Все, что хотела, она сказала еще до свадьбы, и добавить ей было нечего. Это бы не исправило моих ошибок.

В детстве я мечтала прожить необычную жизнь. Выйдя замуж за Брэда, я надеялась, что в моей жизни будет хоть какой-то смысл. Оказавшись одна с двумя детьми, я лишь искала способ выжить. Вот во что подчас превращаются мечты...

Я закончила смену в семь часов двенадцать минут, чтобы отработать утреннее опоздание. Рене и другие официантки ушли домой; на работу заступила ночная смена. Я хотела просочиться к выходу, не попадаясь Роду на глаза, но не успела.

– Больше не опаздывай, Кристин. – Он вышел из холодильной камеры позади меня. – В праздники здесь будет не протолкнуться. Это последнее предупреждение.

Я кивнула.

– До завтра, Род.

Джейсон Хейберт извлек из бумажника пятидолларовую купюру и протянул стюардессе.

– Ром, – сказал он, складывая газету.

Стюардесса поморщилась, решив, что перед ней один из вчерашних юнцов, для которых пить в полете – признак успешности и совершеннолетия.

– Могу я взглянуть на ваше удостоверение личности? – Она прикинула его возраст. Выходило двадцать два – двадцать три.

Он протянул водительское удостоверение, и стюардесса улыбнулась.

– Вам недавно исполнилось двадцать четыре? Примите поздравления!

Джейсон вылил ром в стаканчик с колдой и протянул девушке пустую бутылку.

– Я бы пригласил вас на свидание, когда приземлимся.

Стюардесса засмеялась и покраснела.

– Боюсь, меня не отпустят муж и дети.

– Тогда возьмите их с собой.

Она фыркнула и передвинула тележку к следующему пассажиру.

Джейсон, который унаследовал от отца золотисто-каштановые волосы и синие глаза, был одним из лучших игроков в университетской футбольной команде и считал себя ценным сотрудником бухгалтерской фирмы, пока не попал под сокращение. Абсолютная уверенность в том, что и дня не пройдет, как его с распростертыми объятиями примет не менее престижная фирма, спустя три месяца почти испарилась, поэтому к звонку деда он отнесся с некоторым интересом.

– Приезжай, поработаешь у меня в магазине на Рождество, – предложил дедушка Маршалл тремя неделями ранее.

– Дед, как ты думаешь, зачем мне высшее образование? – возмутился Джейсон, впрочем, без намерения обидеть.

– Чем ты сейчас зарабатываешь?

Джейсон переключил телевизор на спортивный канал, тоскливо проследил за бегущей строкой на экране и сознался:

– Ничем.

Маршалл не понимал, как можно не работать, если каждый месяц надо оплачивать счета.

– И как же ты платишь за квартиру? – поинтересовался он.

Джейсон не ответил.

– Прилетай в выходные и попробуй. Получишь предложение поинтереснее – уедешь. А пока хоть немного подработай.

Джейсон задумался. Не с его навыками устраиваться в магазин, да только раз за разом потенциальные работодатели отказывали, говоря, что не будут никого нанимать до Нового года. Высшее образование он определенно получал не затем, чтобы продавать рождественские носки старушкам, однако ничего лучше пока не намечалось.

Маршалл Уилсон сощурился на каталог.

– А это что за цветы? – спросил он девушку-флориста. – Они мне нравятся!

– Лизиантус, – ответила она.

– Никогда о таких не слышал. – Мужчина пролистнул несколько страниц. – А эти?

Девушка перегнулась через стойку, чтобы рассмотреть фотографию.

– Лилии «Касабланка».

Маршалл потер подбородок.

– Тоже ничего. А можно посмотреть вживую?

– Ну что вы! Сейчас не сезон для лилий.

– Где?

– Что «где»? – окончательно запуталась девушка.

– Где не сезон для лилий?

– Здесь, конечно.

– Но где-то же они цветут в это время года?

Продавщица задумалась.

– Цветут, но заказать их сюда обойдется совсем недешево и...

– А можно заказать еще те, первые? Как вы сказали, они называются? Лиз-чего-то-там.

– Лизиантус. Но это очень редкие цветы и...

– Натали, не спорь с клиентом! – вмешался Дуайт Роуз, появляясь из-за ее спины. Магазином «Цветы и подарки от Роуз» он владел уже лет пятнадцать. – Маршалл, в честь какого события цветы выбираешь? Годовщина или день рождения? Вечно я их путаю.

– Годовщина, – ответил Маршалл, хлопнув ладонью по стойке. – В декабре будет сорок четыре года.

– Маршалл женился на очень разумной женщине, – объяснил Дуайт. – Ее никогда не интересовали огромные бриллианты, безвкусные ожерелья и, как она выражалась, «идиотские серьги для деревенщин». Линда любила только цветы, ничего вычурного и необычного. Мужа себе она выбирала так же.

Маршалл согласно склонил голову.

– Благодарю. Сочту это замечание за изысканный комплимент.

– Но Маршалл не любит обычные цветы. Он всегда выбирает какие-нибудь новые, которых раньше не видел. Так он чувствует себя...

– Не таким простаком, – закончил Маршалл, улыбаясь.

Дуайт тем временем рассказывал дальше:

– Линда как-то поняла, что в период между Днем благодарения и Рождеством чудесным образом превращается во вдову. – В этом месте Маршалл закатил глаза, а Дуайт продолжил: – Она готовила ужин, а Марш каждый день торчал в магазине до десяти вечера.

– Не до десяти! – возразил Маршалл.

– До одиннадцати, – ехидно поправил его приятель.

Маршалл вздохнул и жестом попросил Дуайта поторопиться.

– Линда решила не печалиться и проведать детей и внуков в других штатах. А когда вернулась...

Натали перебила:

– Он встретил ее с цветами! Это так романтично!

Девушка взяла каталог и сделала копии страниц с выбранными цветами.

– До сих пор никто, даже Линда, не называл Маршалла романтиком, – заметил Дуайт.

– Откуда тебе знать, как меня называют дома? – усмехнулся Маршалл, забирая копии страниц у Натали.

– Ну вот, теперь весь день буду об этом думать! – воскликнул Дуайт.

Маршалл рассмеялся и убрал копии в карман куртки.

– Посоветуюсь с Джуди и вернусь к вам.

Он хлопнул ладонью по стойке, прощаясь, и отправился вниз по улице в универмаг «Уилсон».

Магазин они с Линдой открыли через четыре года после свадьбы, и с тех пор он оставался главным украшением городской площади. А еще там научился ходить их первенец, после чего Линда решила посвятить себя дому и двум другим сорванцам.

Двадцать пять лет назад Линде удалили грудь. Спустя несколько месяцев у нее обнаружили рак кишечника, так что менее чем за год она перенесла две операции. Линда так ослабла после химиотерапии и лекарств, что Маршалл не появлялся на работе целых три месяца.

– Сходи, Маршалл, – уговаривала она.

– Без меня справятся, – ворчал он.

Маршалл понимал, что жена хочет немного отдохнуть от

непрерывной опеки, но так боялся ее потерять, что и думать забыл о магазине. Он планировал совместный отпуск, покупал ей ожерелья, кольца и даже теннисный браслет с бриллиантами.

– Марш, милый, – сказала Линда, увидев браслет, – ты же знаешь, мне это не нужно.

– Я просто хотел тебе его подарить, – ответил он, сидя на краешке кровати.

– Знаю. – Она улыбнулась и вложила руку в ладони мужа. – Не надо покупать мне дорогие вещи, чтобы доказать свою любовь. Ты не появлялся на любимой работе уже несколько месяцев, я знаю, для тебя это непросто.

– Я никогда не дарил тебе ничего подобного.

Линда сжала его руку.

– Мне и не нужно. Я счастлива с тобой без браслета и буду счастлива всегда.

Маршалл наклонился и поцеловал жену в лоб.

– Я справлюсь, – прошептала она.

Тогда он стал дарить ей цветы. С тех пор как Линда поправилась и врачи подтвердили, что рака больше нет, он посылал букеты каждую неделю и на все праздники.

Маршалл распахнул дверь в офис и спросил:

– Джуди, знаешь, что такое лизиантус?

Он бросил распечатки цветочного каталога помощнице на стол, прошел к себе в кабинет и повесил куртку на вешалку.

– Вирус? – предположила Джуди, пролистывая докумен-

ты.

– Цветок!

Джуди вернулась к столу, надела очки и посмотрела на распечатки.

– Чудесные, – кивнула она.

Джуди Лейтвейлер работала у Маршалла уже двадцать семь лет. За это время ее дети выросли, обзавелись семьями и подарили ей шестерых внуков. Начав с обычной продавщицы, она скоро стала правой рукой Маршалла в конторских делах.

– Тебе бы такие понравились? – крикнул Маршалл из своего кабинета.

Джуди достала из нижнего ящика стола папку и раскрыла ее.

– Мне бы понравились. Но у меня нет любимых цветов.

Маршалл выглянул из кабинета.

– Тебе не кажется, что гортензии устарели?

– Ты спросил, я ответила.

– Джейсон не звонил?

Помощница откусила пончик и стряхнула сахарную пудру со свитера.

– Пока нет. Думаю, из аэропорта он приедет прямо сюда. – Она откусила еще кусочек и, аппетитно причмокивая, облизала палец, которым собирала пудру со стола. – Ты точно к этому готов?

Маршалл, почти скрывшийся в кабинете, выглянул снова.

– К чему?

Джуди отпила кофе из кружки с надписью «Лучшая в мире бабушка» и пояснила:

– К приезду Джейсона. Он ведь не твой любимчик.

– Можно подумать, ты знаешь, кто мой любимчик!

– Уж я-то знаю, – заверила Джуди, отправляя в рот последний кусочек пончика.

Маршалл хмыкнул и закрыл дверь.

В такси Джейсон извлек из кармана мобильный и нажал кнопку быстрого набора.

– Привет, детка! – произнес он, разглядывая улицу. – Я добрался.

– Я была уверена, что ты передумаешь. Может, вернешься? Здесь куда проще найти работу, – сказала Эшли.

Они познакомились на выпускном курсе института и последующие три года то сходились, то расходились. Родители Джейсона считали худенькую Эшли отстраненной и неприветливой, хотя в целом против их отношений не возражали. Эшли была симпатичной, самоуверенной, а еще – одаренной. Она работала у одного кутюрье и мечтала выпустить собственную линию одежды. Все, что ее интересовало, – это сочетания тканей и цветов, так что отношения с Джейсоном можно было скорее назвать приятными и удобными для обоих, нежели по-настоящему близкими.

– Сейчас людей увольняют, а не нанимают, – возразил Джейсон.

Таксист пересек городскую площадь, и Джейсон проводил взглядом знакомые с детства места. Его мать была старшим ребенком Маршалла и Линды, на которую очень походила. Ей исполнилось уже сорок три, а Маршалл по-прежнему называл ее зайкой.

– Каждое лето нас с сестрой на целых две недели отправляли к дедушке с бабушкой, – сказал Джейсон в трубку и пожаловался: – Не понимаю, как мы тут с тоски не умерли. Здесь только в Рождество весело, а в остальное время и заняться нечем. Я тебе еще позвоню.

Он захлопнул телефон-раскладушку и убрал в карман. Джейсон казался себе слишком крутым для этого города. У него, в отличие от деда, было высшее образование; он путешествовал по миру, пока учился, а дедушка с бабушкой за всю жизнь почти не выезжали из городка и искренне любили его жителей. Джейсон же считал, что достоин большего.

Заплатив таксисту, он забрал сумки из багажника и, открыв дверь универсама «Уилсон», втянул за собой чемодан на колесиках. Из-за вешалки с одеждой выглянула молоденькая продавщица, блондинка с вьющимися волосами.

– Доброе утро, – поздоровалась она, по мнению Джейсона, чересчур бойко. – Вам что-то подсказать?

– Подскажите мне, где найти Маршалла Уилсона, – ответил Джейсон, расстегивая куртку.

Продавщица заметила чемодан и всплеснула руками.

– А, так вы Джейсон. Он вас ждет! Офис там, в глубине

магазина.

Поправив рюкзак, Джейсон кивнул на чемодан и уточнил:

– Поможете с вещами?

– Конечно! – ответила продавщица и потянула чемодан за собой. – Я Дебби, работаю в отделе женской одежды.

Шагая через две ступеньки, Джейсон поднялся в офис и постучал в окно.

– Приехал! – крикнула Джуди Маршаллу, впустила Джейсона и заключила в объятия. – Ты посмотри, какой красавчик вымахал!

Из-за спины Джуди показался дед и тоже обнял внука.

– Наконец-то ты приехал, Джейс! – Тут он заметил Дебби, которая с трудом поднимала чемодан по лестнице. – Дай-ка мне.

Маршалл забрал у нее чемодан и поставил за дверь.

Джейсон бросил рюкзак на одно из кресел напротив стола Джуди, сам уселся в другое.

– Как добрался? – спросил Маршалл, пока готовил ему кофе.

– Нормально. Рейс не задержали.

Отпив кофе, Джейсон заметно поморщился.

– Как дела у Эшли? – поинтересовался дедушка.

– Замечательно. Мы ненадолго разбежались, а сейчас вроде снова встречаемся.

– Вроде?

– Ну да. Сходимся, расходимся, для нас это нормально. –

Джейсон нашел фотографию своей девушки в телефоне и показал Джуди.

– Какая красивая девочка! – восхитилась та. – Чем она занимается?

– Хочет работать в мире моды.

Джуди округлила глаза, словно ее это впечатлило.

– Она могла бы приехать сюда и поработать в отделе закупок. Получила бы неплохой опыт, – предложил Маршалл.

Джейсон рассмеялся.

– Дед, в отделе закупок может работать кто угодно. Эшли хочет быть дизайнером. – Он убрал телефон в рюкзак. – Слушай, я помню, что ты предлагал остановиться у тебя, но я хочу жить отдельно.

Маршалл присел на край стола Джуди.

– Здесь сложно снять квартиру, да и стоять это будет...

– Я уже нашел вариант онлайн, – перебил Джейсон, отставляя чашку с кофе. – И оплатил за месяц.

Маршалл кивнул.

– Где?

– У парня по имени Роберт Лейтон. В жилом гараже.

– Не знал, что Роберт и Кейт сдают апартаменты.

– Они сказали, я у них второй. – Джейсон потянулся. –

Ну так что, где мне заняться бухгалтерией, здесь или у тебя есть еще офис?

Джуди охнула и начала увлеченно протирать пыль с экрана монитора.

– Это работа Джуди, – небрежно отмахнулся Маршалл. – А ты мне нужен в магазине.

Джуди выбросила из верхнего ящика стола стружку от карандаша и вкладыши от жвачки и подровняла скрепки на документах.

– Я думал, тебе нужен бухгалтер на праздники.

Маршалл отрицательно покачал головой.

– Нет. Это работа Джуди. В праздники мне нужен продавец.

– Тогда зачем ты попросил меня помочь с бухгалтерией?

Джуди самым тщательным образом принялась протирать ободок кофейной кружки салфеткой.

– Я не просил, – ответил Маршалл.

– Ты именно так и сказал.

– Ты неправильно меня понял.

Джейсон встал и закинул рюкзак за спину.

– Знаешь, дед, специалисты моего уровня не работают продавцами.

Джуди нырнула под стол, якобы завязать шнурок.

– Не работают, – согласился Маршалл. – Но деньги-то тебе нужны.

Джейсон уставился в пол, затем поднял глаза на деда.

– Эта работа не по мне.

Джуди поспешно развязала шнурок на втором ботинке и принялась его завязывать.

– Как знаешь, – ответил Маршалл. – Я буду рад, если на-

думаешь помочь.

Джейсон кивнул и направился к выходу.

– До встречи, Джуди.

Она вынырнула из-под стола и помахала на прощание обеими руками:

– До встречи, красавчик!

Джейсон закрыл за собой дверь. Маршалл и Джуди наблюдали, как он спускается с чемоданом вниз по лестнице и покидает магазин.

– Неплохо так ты его встретил. – Джуди хлопнула друга по плечу.

Маршалл направился к себе в кабинет.

– У тебя под столом обувной склад, а?

– Я спасалась из неловкого положения! – крикнула та ему вслед.

Припарковавшись у дома, я заметила, что во всех окнах горит свет. Войдя, первым делом я выключила свет в прихожей и коридоре. Элли сидела на диване и смотрела телевизор.

– Добрый вечер, Элли. – Я пересекла гостиную и бросила сумочку на кухонный стол. Вокруг царил беспорядок, но я держала себя в руках. – Как дети?

Она встала и собрала вещи.

– Отлично. Кристин, я завтра не приду.

– Что?! Я две недели назад спросила, свободна ли ты, и ты сказала, что да!

– Я помню, но мама позвала нас в гипермаркет, чтобы закупиться к Рождеству.

В затылке заняла тупая боль.

– Мне некому больше позвонить! Именно по этой причине я заранее договорилась с тобой!

Однако Элли уже открывала входную дверь.

– Извините. Мама сказала, что может съездить с нами только завтра.

Девчонка закрыла за собой дверь. Я рывком выдвинула один из ящиков на кухне, вытащив пачку купонов и записок.

– Да чтоб ты провалилась! – в сердцах воскликнула я и мысленно поклялась никогда больше не обращаться к Элли. Я сбросила на пол пачку счетов, лежавших у телефона. Глаза б мои их больше не видели! Разыскав листок с небрежным почерком, я набрала номер.

– Элейн? Здравствуйте! Это Кристин Айсли. Мы встречались в ресторане «Паттерсон» несколько недель назад, помните?

– Да, я вас помню.

– Вы сказали, что ваша дочь могла бы посидеть с моими детьми. Завтра к десяти тридцати мне как раз нужна няня.

– Я спрошу у нее и перезвоню вам.

Я повесила трубку и попыталась успокоиться, но тут же наступила на какую-то мягкую игрушку и пнула ее с дороги.

– Зак! Хейли!

– Сейчас! – откликнулся Зак.

Я подождала – дверь спальни так и не открылась.

– Немедленно! – рявкнула я, пулей вылетая из гостиной. – Сейчас же идите сюда!

Я ненавидела себя за то, что вымещаю гнев на детях. Зак и Хейли, торопясь, прибежали в гостиную, и я указала на игрушки, разбросанные по полу. – Уберите все!

Хейли протянула мне свою любимую собачку.

– Это Женевьева разбросала!

– Мне все равно, кто это сделал! Уберитесь здесь немедленно! – Мой голос дрожал от ярости.

Дети принялись собирать и уносить игрушки. Мне хотелось извиниться за то, что я на них сорвалась, однако усталость и раздражение вытянули из меня все силы. В который раз я сражаюсь с обстоятельствами, из последних сил свожу концы с концами, но уже готова сдаться. В который раз ловлю себя на мысли, что детям было бы лучше с кем-то другим, кто мог бы дать им больше, чем я. Я едва способна позаботиться о себе, не то что еще о двух зависящих от меня созданиях. Я все время сомневаюсь, правильно ли поступаю и правильные ли принимаю решения... Сколько раз я чувствовала себя маленькой девочкой, заблудившейся в лесу! Мои ошибки продолжают отравлять жизнь мне... и моим детям. Они заслуживают большего, и я это понимаю.

В дверь позвонили. Я попыталась разглядеть человека за окном. Увидела лишь макушку и узнать звонившего не смогла.

– Кто там? – спросила я через дверь.

– Кристи!

При звуке этого голоса я едва не отшатнулась. Так меня называл только Брэд, и я не переносила, как он сокращал мое имя.

Я напряглась. Что он тут делает? Я не готова сейчас общаться еще и с бывшим мужем.

– Что?

– Впусти меня, пожалуйста.

Я решительно вышла на крыльцо, закрыв дверь прежде, чем дети увидели Брэда. Куртку я забыла в доме и теперь сложила руки на груди, чтобы не мерзнуть. Брэд явно давно не брился. Одет он был в джинсовую куртку, серую вязаную шапку и черные мотоциклетные ботинки. Изо всех сил пытался выглядеть крутым парнем, но смотрелся жалко.

– Что тебе нужно?

– Хочу увидеть детей.

– Тогда плати алименты. – Эти разговоры мне уже опротивели.

– Я хочу провести с детьми ближайшие выходные.

– А я хочу получить алименты.

Я говорила тихо, стараясь, чтобы дети не услышали.

Брэд улыбнулся.

– Ну брось, Кристи, это же мои дети.

Я ненавидела его интонацию, улыбку и запах лосьона после бритья.

– Если бы ты действительно хотел видеть своих детей, ты бы сделал все возможное, чтобы они ни в чем не нуждались. Но их обеспечиваю я, а не ты, Брэд. Одна!

Меня трясло, я хотела вернуться в дом.

– Знаешь, я тебе звонил. Трубку взяла какая-то мелкая девчонка и сказала, что ты задерживаешься на работе. Я спросил, кормила ли она детей, и она ответила, что нет. Ты что, до сих пор их не кормила?

Я ненавидела Брэда. Мама ведь говорила не общаться с ним. «Ты не обязана с ним разговаривать, – повторяла она. – Не открывай дверь и не бери трубку». Я покрылась испариной и повернулась к бывшему мужу.

– У тебя очень неудобный график, – продолжал Брэд. – Из-за него страдают наши дети.

Дурное предчувствие сковало грудь, и я чуть не накричала на него, спохватившись в последний момент.

– Они перестали быть твоими, когда ты ушел!

Брэд улыбнулся и закурил.

– Неправильно, что наших детей растит какая-то посторонняя девчонка.

Он таскал меня по судам по каждой мелочи. Я едва сдержала злые слезы. Я давно уже убедилась, что Брэду плевать на всех, кроме себя.

Я шагнула ему навстречу.

– Не смей мне угрожать! Слышишь?! Никогда не смей мне угрожать!

– А ты не смей разлучать меня с детьми.

Он повернулся и пошел к машине.

– За полгода ты ни цента не заплатил! Я не обязана позволять вам видеться!

Он засмеялся.

– Обязана-обязана.

Я вернулась в дом и хлопнула дверью. В детстве я мечтала выйти замуж, стать учительницей, родить детей, а в старости жить в милом уютном домике, наполненном радостью и смехом. С такими мечтами нелегко расставаться.

– Мама, что случилось? – В коридор вышла Хейли.

Рядом с ней был Зак.

Я не могла говорить, в горле стоял ком.

– Мам, ты сердишься? – спросил Зак.

Я задыхалась, к лицу прилила кровь.

– Да! – ответила я и плюхнулась на диван.

– На нас? – уточнил Зак.

Я помотала головой.

– Проблемы на работе?

Я снова помотала головой.

– Готовьтесь ко сну. – Говорить было невероятно трудно.

– Я хочу есть, – заявила Хейли.

Я выдавила из себя улыбку.

– Сначала приготовьтесь ко сну, а потом что-нибудь поедим.

– А может, поедим сначала? – возразил Зак.

– Зак, не спорь! – Я опять вспылила.

Дети развернулись и ушли на цыпочках. Я заплакала. Сил больше не оставалось, а валун на моей дороге увеличивался с каждым днем.

Глава вторая

Несколько кварталов до универмага «Уилсон» Джейсон прошел пешком. Утренний разговор с рекрутером окончательно убедил его в том, что в ближайшее время на работу по специальности можно не рассчитывать. Придется смириться и несколько недель побыть обычным продавцом. Едва шагнув за порог магазина, Джейсон поскользнулся.

– Осторожно! – крикнула Дебби, которая как раз пыталась остановить поток воды. – У нас крыша протекает!

Джейсон посмотрел на потолок.

– Да тут на целый судебный иск натекло...

– Я пыталась позвонить ремонтникам, но служебный телефон здесь не ловит. Вы не передадите, что мне нужна помощь?

Джуди, увидев в дверях Джейсона, захлопала в ладоши.

– Все-таки решил поработать?

– Вроде того.

Из кабинета вышел Маршалл.

– Джуди, покажешь ему контрольные часы и комнату отдыха?

Джейсона передернуло. Вот уж чего специалист его уровня никогда не делал – так не отмечал время прихода и ухода с работы. Джуди смахнула крошки от печенья с толстовки с надписью «Счастье – это когда внуки тебя обнимают» и сно-

ва захлопала в ладоши.

– О, это же самое интересное! Пойдем со мной, красавчик!

У двери Джейсон обернулся и сказал Маршаллу:

– Совсем забыл. Какая-то девушка в главном зале просила помочь. Крыша протекает.

– Опять! – воскликнула Джуди, спеша к телефону. – Что за девушка, милый?

Джейсон задумался.

– Ну, та, у витрины.

– Которая вчера несла твой чемодан? – уточнил Маршалл.

– Вроде бы.

Маршалл и Джуди переглянулись. Неужели так сложно запомнить девушку? Джуди вызвала ремонтников и повела Джейсона вниз по лестнице в комнату отдыха.

– Здесь у нас контрольные часы сотрудников, – пояснила она, открывая дверь в комнату с торговыми автоматами, тремя круглыми столиками и стульями, и протянула ему карточку учета рабочего времени.

Джейсон проставил временную отметку. Звук, который издавали контрольные часы, показался ему отвратительным.

– Тебе за двадцать семь лет не надоела эта дурацкая обязателька? – спросил он Джуди.

– Я уже двадцать шесть лет этого не делаю, – рассмеялась она и снова повела его вверх. – Сегодня ты работаешь в отделе мужской одежды. В курс дела тебя введет Мэтт, адми-

нистратор зала.

Джуди провела Джейсона в торговый зал и помахала парню у манекена.

– Это что, администратор? – опешил Джейсон. – Сколько ему лет?

Ему очень не хотелось подчиняться своему ровеснику или кому-то моложе.

– Не знаю точно, но он женат и недавно стал папочкой, – ответила Джуди и хлопнула Джейсона по спине. – Знакомься, это Мэтт.

Мэтт протянул руку.

– Маршалл о тебе рассказывал. Рад, что ты пришел помочь.

Джуди послала обоим воздушный поцелуй.

– Ну все, я за канцтоварами. Ведите себя хорошо, мальчишки!

В кармане зажужжал телефон, и Джейсон открыл его, чтобы посмотреть уведомление. Улыбнулся чему-то и снова спрятал телефон в карман.

– Сообщение? – поинтересовался Мэтт.

Джейсон кивнул.

– От подружки. Вроде как.

– Продавцам запрещено разговаривать по телефону и переписываться во время работы, – сообщил Мэтт, направляясь к витрине. – Маршалл этого не переносит.

– Не думаю, что он будет сильно против, если я отправлю

пару сообщений.

Мэтт засмеялся и покачал головой.

– Как знаешь. Итак, твоя задача – раздеть все манекены на витринах. Новые наборы для каждого лежат на прилавке.

Джейсон опешил. Его что, попросили раздеть манекен?

Затем он перевел взгляд на стопки одежды.

– А когда закончишь, – продолжал Мэтт, – нужно будет разобрать товары на складе.

Джейсон подошел к первому манекену и расстегнул на нем джинсы. Он не мог поверить, что докатился до *такого*.

Дочь Элейн, Мира, пришла ровно в десять двадцать пять.

Едва я открыла дверь, она с улыбкой потянулась к Хейли:

– Привет, Хейли! Поиграешь со мной?

Мира сразу мне понравилась.

– В обед можешь дать им макароны с сыром, – сказала я, вешая сумочку на плечо. – Только не позволяй им есть всухомятку. В холодильнике виноград, яблоки и сыр, а в шкафчике у плиты арахисовая паста. – Уже в прихожей я крикнула в сторону спальни сына: – Зак, Мира пришла! Я на работу! – Поцеловала Хейли и пошла к машине.

Я повернула ключ зажигания и включила заднюю передачу, когда выезд загородила чья-то машина.

– Ну и что это? – спросила я в пространство.

Я выждала немного, но машина не двигалась.

– Проезжай скорее! – крикнула я, обернувшись назад, и посигналила.

Водитель не отреагировал. Я посигналила снова и немного сдала назад, показывая, что хочу выехать, однако чужая машина оставалась на месте. Я выскочила наружу. Женщина в автомобиле, который мешал проезду, навалилась на руль. У меня мелькнула надежда, что это чей-то дурацкий розыгрыш, и я легонько постучала в окно.

– Эй! – позвала я. – Вы меня слышите?!

Я занервничала и постучала сильнее. Женщина не шевелилась, так что я открыла дверь и тронула ее за плечо.

– Мэм, вы в порядке? – спросила я громче.

Ее голова откинулась на подголовник, и я вздрогнула.

Я побежала к своей машине, забрала сумочку и, не найдя телефона, просто вытряхнула содержимое на дорогу. Вот куда все подевались?! Почему так тихо? Где вездесущая миссис Мередит? Она же всегда дома! Я схватила телефон, открыла его, но он выскочил у меня из рук. От удара об асфальт он развалился, и аккумулятор улетел под машину.

– Черт! Мне нужна помощь, – проговорила я, не дотянувшись до аккумулятора, и вскочила на ноги.

Бежать домой было некогда – это отняло бы слишком много времени.

– Мира! – крикнула я, надеясь, что девочка услышит, а сама уже вытаскивала женщину из машины.

Пока я пыталась нащупать пульс у нее на шее, разнервничалась не на шутку.

– Мэм! – снова позвала я, встряхнув бездыханное тело.

Последний раз я училась реанимировать пострадавших на уроках первой помощи в старших классах, так что руки у меня тряслись. Я запрокинула ее голову назад и стала делать непрямой массаж сердца.

– Ну давай же! – взмолилась я, выдыхая ей в рот.

Мира увидела меня из окна гостиной и подбежала к машине. За ней по пятам следовали Зак и Хейли.

– Быстрее! – крикнула я, махнув рукой к дому. – Уведи детей и вызови скорую!

Я продолжила делать искусственное дыхание, и женщина наконец задышала сама. Меня колотило от пережитого.

– Скоро вам помогут, – пообещала я, с трудом совладав с собственным голосом.

Она так и не открыла глаз и сейчас чем-то напоминала мою бабушку.

– Что случилось? – спросила она едва слышно.

Я сняла куртку и подложила ей под голову.

– Не знаю, вы не дышали.

Ее ресницы дрогнули, и она сощурилась, глядя на меня против солнца.

– Где я?

– Вы у моего дома.

– Извините, – прошептала она.

Я запахнула на ней куртку, чтобы женщина не замерзла.

– Не извиняйтесь. Я рада, что вы живы.

Ее губы дрогнули в улыбке.

– Я тоже. Как вас зовут?

– Кристин.

Она потянулась к моим пальцам, и я осторожно сжала ее ладонь.

– Вы официантка?

– Да.

– Я тоже когда-то была официанткой, – произнесла женщина. – Так и познакомилась с мужем.

Ее рука ослабла и выскользнула из моей.

– Вы ведь не оставите меня? – спросила она.

Я занервничала: смена начиналась в одиннадцать.

– Нет, – пообещала я, глядя на дорогу.

Вдали уже выла сирена скорой.

Женщина лежала с закрытыми глазами, а я ежилась от ветра: успела вспотеть, пока делала ей искусственное дыхание.

– Моя машина мешает вам выехать.

– Не волнуйтесь, я ее переставлю. – Я подумала, что она не помнит, куда ехала, прежде чем потеряла сознание. – Я могу отогнать ее к вам домой или к месту работы. Где вы работаете?

Ее глаза по-прежнему были закрыты, и я сомневалась, что она слышит меня.

– В центре, – тихо ответила женщина.

– Я оставлю машину у ресторана «Паттерсон», а ключи положу под коврик.

Она благодарно сжала мне руку. Вой сирены приближался, и я подбодрила ее:

– Скорая почти приехала.

Машина остановилась посреди дороги, из задних дверей выскочили мужчина и женщина в медицинской униформе и поспешили к нам. Я отошла, пока они проверяли ее состояние и выясняли, что случилось.

– Вы ее знаете? – спросил мужчина, поворачиваясь ко мне.

– Нет, – ответила я, зябко обхватывая себя руками.

– Что произошло? – Они уже укладывали женщину на складные носилки.

– Не знаю. Она потеряла сознание за рулем.

Врачи подняли носилки и загрузили их в скорую. Я метнулась к машине женщины и схватила сумочку с переднего сиденья.

– Возьмите, это ее! – Я передала сумочку врачу, который уже забрался в машину. – Там документы. Скажите ее родным, что я припаркую машину у ресторана «Паттерсон». Ключи оставлю под ковриком.

Врач захлопнул двери, и скорая уехала. Меня трясло от пережитого.

Я подняла с земли свою куртку и собрала содержимое сумочки. До начала смены оставалось пять минут. Сердце гулко билось, пока я выжимала педаль газа в надежде, что Род не заметит опоздания. Я припарковала машину женщины пе-

ред рестораном и проскользнула внутрь, оглядываясь в поисках Рода. Куртку и сумку я бросила в шкафчик под кассовой стойкой. Рене поймала мой взгляд и облегченно провела по лбу. Всего на пять минут, но я опоздала. Она указала мне на секцию в глубине ресторана. Я взяла планшет с бланками для заказа и с улыбкой подошла к паре, которая просматривала меню.

– Кристин, это секция Рене. – Голос Рода раздался со спины.

– Но она сама отправила меня сюда.

– Нет, – сказал он, подойдя ближе. – Ты уволена. Собирай вещи. Последний зарплатный чек получишь в понедельник.

У меня упало сердце.

– Что?! Но почему?!

Род покраснел от гнева.

– Я же сказал: еще одно опоздание – и ты уволена!

– Утром у моего дома чуть не умерла женщина, – оправдывалась я, следуя за ним. – Мне пришлось делать ей искусственное дыхание!

Род не поверил.

– Хватит, Кристин.

Я указала на машину перед рестораном, мои руки тряслись.

– Вон ее машина. Женщину увезли в больницу, и я пообещала припарковать машину тут, чтобы родственники потом забрали.

Он повернулся ко мне.

– Тебе пора домой, Кристин.

Род прошел мимо. Я вытерла пот с верхней губы, побежала за ним и вцепилась в руку.

– Род, мне нужна эта работа. Очень нужна!

Он выдернул руку.

– Всем нужна работа. И те, кто не хочет ее терять, не опаздывают.

Перед глазами встала ухмылка Брэда, и я чуть не расплакалась. Мне нельзя терять работу. Он воспользуется этим, чтобы подать на опеку! Род должен меня понять!

– Пожалуйста, Род! Я опоздала не по своей вине. Не могла же я бросить ее умирать!

Рене услышала наш разговор и подошла к Роду.

– Нам не хватает рук. Дай ей еще один шанс.

Он даже не взглянул на нее.

– Собирай вещи, Кристин. – Род ушел в офис и закрыл дверь.

Оперев поднос о бедро, Рене обняла меня одной рукой.

– Мне так жаль, малыш.

Я кивнула и на трясущихся ногах прошла мимо гостей, ожидающих столика. Две другие официантки сочувственно улыбнулись, а я забрала сумочку и куртку и вышла через парадный вход. Боль от несправедливости, неверие и печаль оглушали, и я уткнулась лицом в скомканную куртку, чтобы не завывать в голос.

– С вами все в порядке, мисс?

Я встретилась взглядом с пожилым мужчиной, кивнула и тут же отвернулась.

– Вы уверены? У меня здесь рядом магазин. Может, зайдете, и я смогу чем-то помочь?

Я помотала головой и пошла прочь, надеясь, что он не будет приставать с расспросами. Пришлось свернуть на тротуар между рестораном и банком и подождать, пока мужчина уйдет. Он постоял немного и отправился по своим делам. Из-за угла я видела, как он помахал кому-то на улице и зашел в универмаг «Уилсон».

В двадцать минут двенадцатого в кабинете Маршалла раздался телефонный звонок. Повесив трубку, он побежал к выходу.

– Что случилось? – спросил Джейсон, догоняя его вместе с Мэттом.

– Джуди в больнице, она без сознания!

Джейсон присоединился к деду, и они спешно вырулили с парковки на зеленом додже.

Я вдруг осознала, что пригнала автомобиль женщины к ресторану, а моя машина осталась у дома. Слезы жгли глаза, я достала из сумочки платок и вытерла лицо. Как дорого обошлось мне желание помочь! Я посмотрела в обе стороны улицы, сама не зная, чего ищу, и побрела к автобусной остановке. Согнувшись от холодного ветра, я встала на перекрестке и надела куртку. Застегнула молнию, едва шагнула

на пешеходный переход, как резкий звук сигнала заставил меня отпрыгнуть назад, уступая дорогу зеленой машине. На мгновение я пожалела, что меня не сбили, и разрыдалась. Ну почему мне так не везет?! Почему жить так тяжело?! Автобусная остановка – в восьми кварталах, и казалось, мне не хватит сил дойти. У цветочного магазина мой взгляд привлекли чудесные розовые, голубые и белые гортензии. Мои любимые. Брэд никогда не дарил мне цветов. Ни разу! Говорил, что это пустая трата денег, ведь цветы все равно завянут.

Мне даже некому было позвонить, чтобы поделиться горем. Мама с мужем, Ричардом, уехала навестить его родителей, и мне не хотелось их беспокоить. Мама всегда гордилась тем, что вырастила меня одна, ни к кому не обращаясь за помощью. Она умела нести ответственность. Я стала такой же: не могу даже позвонить матери, чтобы попросить о помощи.

«Я справлюсь!» – сказала я себе, убирая платок в карман. Вдали уже виднелся знак автобусной остановки, и я прибавила шаг. Встала на углу Мейн-стрит и Четвертой улицы, ожидая зеленого сигнала светофора, чтобы перейти дорогу.

– Извините, вы не подскажете? – послышалось сзади.

Я обернулась и увидела женщину со светло-каштановыми волосами, в легком беспорядке разбросанными по плечам. Я бы дала ей не больше тридцати пяти лет, но выражение глаз делало ее намного старше. С семнадцати лет я работала официанткой и повидала немало лиц. Иногда мне попа-

дались такие, что невольно приковывали к себе взгляд. Не могу сказать, чем именно. Нечто в глазах, в морщинках над верхней губой и пересекающих лоб говорило о боли, которую им пришлось пережить, и в то же время придавало особый шарм. Я всегда сочувствовала таким людям. Вот и сейчас я не знала, что особенного в женщине передо мной – может, заострившееся лицо, а может, коричневые круги под глазами, только я немедленно ощутила потребность защитить ее и позаботиться.

– Я ищу «Дейли». Не подскажите, где это?

Я задумалась.

– Это кафе на парковке для дальнобойщиков?

Она пожала плечами и протянула мне газету, раздел с объявлениями о работе.

– Не знаю, но им нужен кассир.

Женщина казалась такой хрупкой, что в «Дейли» ей точно было не место.

– Зачем вам туда? – спросила я. – Они же поставят вас в ночную смену, и вы задохнетесь в дыму.

Она кивнула, не глядя на меня.

– А не хотите в «Паттерсон»? – осенило меня. – Там как раз ищут официантку.

Женщина подняла глаза.

– Не думаю, что я справлюсь.

– Ну конечно, справитесь! – Я развернулась и махнула рукой вверх по улице. – Кварталов через шесть, рядом с бан-

ком и универмагом «Уилсон». Да и в «Уилсон» зайдите, вас могут взять.

Мама говорила: «Неважно, насколько тебе плохо. Всегда есть кто-то, кому еще хуже».

Глядя в спину удаляющейся женщине, о которой ничего не знала, я понимала, что ей намного тяжелее, чем мне.

Я уже собиралась продолжить путь к остановке, когда заметила очередь на тротуаре в конце Четвертой улицы. Люди явно ждали, пока освободится столик в кафе-пекарне «Бетти». Об этом кафе, расположенном вдали от главной улицы города, я совсем забыла. Я достала пудреницу и замаскировала черные круги под глазами, подкрасила губы.

Пока я пробиралась сквозь толпу жаждущих пообедать, стоявших за дверями и в небольшом зале ожидания, меня окутал запах корицы и лесного ореха. Официантка наполняла водой стакан одного из гостей. В отличие от «Паттерсон» пекарня «Бетти» не могла похвастаться современной обстановкой: стулья из древесины твердых пород или вовсе с плетеной спинкой, темный пол из сосны с большим количеством сучков, бело-голубые клетчатые скатерти на столах, две стены из неотделанного красного кирпича украшены статьями из старых газет и обложками журналов, к потолку подвешены корзинки. Стойка у входа плавно изгибалась до станции официанта, отделяя зону приготовления простых блюд типа сэндвичей, супов и салатов. Треть стойки была деревянной, на ней выложены фирменные футболки и свитера «Бет-

ти» на продажу, а также мешочки с кофе. Остальная часть представляла собой стеклянную витрину с ярко подсвеченными тортами, пирогами, выпечкой, хлебом и печеньем, которая тянулась обратно к станции официанта. По ту сторону от витрин расположились деревянные стеллажи со свежим и вчерашним хлебом и булочками. Здесь пахло, как в булочной, где когда-то работала мама.

– Простите, – обратилась я к официантке, – менеджер на месте?

Она посмотрела на мою униформу «Паттерсон» и спросила:

– Вы ищете работу или по другому вопросу?

– Я ищу работу. У вас есть вакансии?

– Надеюсь, – ответила она и указала назад. – Видите седую женщину, которая разговаривает с гостями за столиком на четверых? Это хозяйка, Бетти Гримшоу.

Я миновала лабиринт из столиков и дождалась, пока Бетти закончит разговор. Это кафе разительно отличалось от «Паттерсон». Бетти повернулась ко мне и тоже уставилась на униформу.

– По-моему, ты вышла на работу не в тот ресторан, – сказала она.

Я вежливо улыбнулась и протянула руку.

– Здравствуйте, Бетти. Меня зовут Кристин, я ищу работу.

Двадцать пять лет назад Бетти Гримшоу без чьей-либо по-

мощи открыла небольшую пекарню, а теперь заправляла целым кафе. Эта невысокая полная женщина носила очки на цепочке и прихрюкивала, когда смеялась. Она изучила меня и поманила за собой.

– Сколько ты проработала в «Паттерсон»?

– Чуть больше полутора лет, – ответила я, пока мы лавировали между столиками.

– Долго же ты продержалась! Осторожно, здесь вращающаяся дверь.

Мы вошли на кухню, и она обратилась к молодой женщине, которая замешивала тесто.

– Стефани, не меси слишком долго, иначе тесто не получится воздушным. У тебя уже все готово.

Стефани припылила стол мукой и начала раскатывать тесто. Сработал таймер, и Бетти открыла духовку, чтобы вытащить большой поддон с выпечкой.

– Стефани, дай им немного полежать, затем возьми кондитерский мешок и покрой глазурью. И не жадничай. Гости, которые заказывают такие пирожные, очень любят сладкое и за весом не следят.

Бетти вымыла руки и вытерла их бумажным полотенцем.

– Итак, Кристин, ты готовишь, печешь или обслуживаешь столики?

Она отошла, чтобы не мешать Стефани, и облокотилась на холодильную камеру. Мне стало интересно, сколько же ей лет. В седых волосах еще виднелись темные пряди. Кто-то

бы сказал, что ее круглое лицо портили морщины, но такие морщины бывают только у очень жизнерадостных людей. Да и по кухне она передвигалась не хуже молодых сотрудников.

– В «Паттерсон» я только обслуживала столики. – Я спохватилась, что так я ее не заинтересую, и добавила: – Но я умею печь. Мама пятнадцать лет работала в пекарне и кое-чему меня научила.

– У тебя есть дети?

При упоминании детей мои глаза увлажнились, и я опустила их в пол.

– Двое, – ответила я, скрывая горечь за покашливанием. – Мальчик и девочка.

Кожей я чувствовала взгляд хозяйки кафе.

– У меня тоже, – произнесла Бетти, а затем налила чашку кофе и протянула мне. – Ты похожа на мою внучку. Есть что-то во взгляде. Я считаю ее красавицей, но все говорят, что я пристрастна. А она и правда очень красивая. Как ты.

Я подняла глаза и улыбнулась.

– Неудачный день? – понимающе спросила она.

Я кивнула. Бетти сняла со стены щетку.

– У меня тоже как-то был неудачный день, который затянулся лет на пятнадцать, а потом мой муженек сбежал с соседкой. Два года спустя она оставила его без штанов, а я в итоге вырастила двоих детей, которые подарили мне четверых внуков. Так что я даже осталась в выигрыше. – Она споро подметала кухню, не обходя вниманием и место работы

Стефани, так что на полу образовалась кучка белой муки. Я сняла с дальней стены совок и присела перед ней, но она забрала его, высыпала муку в корзину для мусора и снова вымыла руки. – Одна из моих девочек скоро уйдет рожать. Я бы отправила ее еще на той неделе, потому что когда живот размером с арбуз, пора готовиться к родам, но она хочет подзаработать к Рождеству. Она отработает еще три дня, родит малыша Аарона или малышку Сибил и выйдет только в январе. Заменишь ее?

Я надеялась на более длительную работу, но даже это предложение лучше, чем ничего.

– Конечно. Я готова приступить завтра или уже сегодня.

Бетти рассмеялась и протянула мне свежую лепешку.

– Попробуй. В праздники мы добавляем начинку из лимона и малины. Так вкусно, просто амброзия! Не знаю, что это, моя мама всегда так говорила. – Бетти смотрела, как я ем, а я жмурилась от удовольствия. Она хлопнула по стойке. – Знала, что тебе понравится! – Бетти обняла меня за плечи и повела на выход. – Приходи во вторник. Униформу мы не носим. Надень удобные туфли и не одевайся вызывающе, чтобы посетители не закапали слюнями пол. – В этом месте я улыбнулась. – Передник я выдам.

– Я действительно готова приступить сегодня, – повторила я, прикидывая, чем могу заняться, чтобы заработать деньги за пропущенные дни.

Она похлопала меня по спине.

– Не волнуйся, все наладится. Уже в понедельник дети пойдут в школу, так?

Я кивнула.

– Вот и проведи это время с ними. Договор подпишем, когда приступишь. Подожди-ка... – Она вернулась в кухню и вынесла мне белый бумажный пакет. – Возьми. Заказывали на вынос, но не забрали.

– Но... вы уверены?

– Лучше тебе отдам, не выбрасывать же.

Запах еды напомнил мне, что я до сих пор не завтракала, и я поспешила домой.

Солнце ослепительно сияло в небе, и город казался теплее и ярче. Я даже подумала, может, все не так уж и плохо, однако в глубине души знала: пройдет совсем немного времени, и снова случится какая-нибудь беда. Всегда случается.

Патриция Эддисон сняла трубку.

– Патриция. Слушаю, – сказала она, изучая отчет на столе.

– Я хочу сообщить о неисполнении родительских обязанностей, – произнес мужской голос и начал нести какой-то вздор.

Патриция добросовестно все записала. Она служила в Управлении по делам несовершеннолетних уже двадцать один год и лишь в последние четыре года перешла на двухдневный график, чтобы проводить больше времени с детьми, так что умела отличать реальную опасность от доносов недоброжелателей. Патриция посмотрела на Роя Брейдена,

который работал в управлении и того дольше, но он тоже был на телефоне.

– Спасибо, мы проверим вашу информацию, – сказала она и повесила трубку.

Патриция перенесла сведения в компьютер и вздохнула. Кажется, ее пытаются втянуть в разборки при разводе. Она вздохнула громче, и Рой крепче прижал трубку к уху, сделав ей знак молчать.

Наконец он закончил разговор и поинтересовался:

– Что ты там пыхтишь, как паровоз? Что-то случилось?

– Ничего особенного. Мне кажется, меня используют для запугивания этой женщины. Прощальный подарочек от ее бывшего.

Рой бросил в рот пластинку жевательной резинки и наклонился к ней.

– Социальный работник из Флориды тоже так думал. Смотрела новости? Он не пошел проверить детей. Все мы знаем, чем это кончилось.

– Когда это я не проверяла жалобы? – возмутилась Патриция.

– Ты работаешь всего два дня в неделю. Мне кажется, ты теряешь хватку.

– А мне кажется, что тебе пора заткнуться. – Она отвернулась.

– Два дня, а по ощущениям все восемь! – воскликнул Рой, открывая папку на столе.

Патриция засмеялась и подписала папку с новым делом. Прежде чем навеститься к Анджеле Кристин Айсли, следовало собрать как можно больше информации.

Маршалл стоял у окна и наблюдал за людьми на остановке, к которой как раз подъехал четвертый автобус. Он ненавидел больницы: запах антисептиков, раздражающий стук тележки уборщика, приглушенные разговоры в углах, истеричные вскрики и рыдания людей, которым сообщили, что в палате за закрытой дверью что-то случилось с их родственником. Маршалл подался вперед в попытке разглядеть женщину. Кажется, та самая, что рыдала у ресторана этим утром. Теперь она улыбалась, вместе со всеми ожидая автобус. «Еще один день, подумал Маршалл. – Слезы, надежды, рыдания, смех, посещение палаты скорой – всему свое время. Ничто не остается прежним».

Маршалл достал мобильный и набрал номер.

– Линда? Джуди в больнице. – В приемный покой вошел врач, и Маршалл прошептал в трубку: – Перезвоню.

Муж Джуди, Дейв, поднялся навстречу.

– Мистер Лейтвейлер? – обратился к нему врач.

Услышав свое имя, Дейв напрягся и помрачнел.

– У вашей жены был сердечный приступ, – сообщил врач. Дейв кивнул. – Мы стабилизировали состояние и переводим ее наверх, в рентген-операционную, для обследования сердца.

Дейв мял в руках бейсболку.

– Она поправится?

– Нужно обследовать ее, чтобы узнать, насколько пострадало сердце и артерии, в каком состоянии сосудистое русло. К счастью, тот, кто обнаружил вашу жену, сразу начал реанимационные мероприятия, а врачи скорой помощи ввели необходимые препараты, как только приехали. Мы надеемся, что это снизило уровень повреждения сердца. Она останется в больнице на ночь или дольше, обследование покажет. Как только мы переведем вашу жену в палату, вы сможете ее навестить.

Врач ушел, и Дейв устало потер глаза.

– Сорок лет, – проговорил он, надевая кепку, и щелкнул пальцами, – за эти минуты пролетели перед глазами вот так.

– Знаю, – кивнул Маршалл и похлопал его по плечу.

В автобусе я села у окна и позвонила домой, чтобы предупредить Миру, что отпускаю ее на остаток дня. Повесив трубку, тут же получила уведомление: Брэд оставил голосовое сообщение. Ну, вот и очередная беда.

Глава третья

Джуди выглядела неряшливо: короткие седые пряди торчали в разные стороны, и она приглаживала их, стараясь создать подобие прически. Облокотившись на подоконник, Маршалл наблюдал, как она поедает яблочное пюре.

– Линда, Элис, Гленн, ребята из клуба книголюбов и с работы просили передать, что думают о тебе, – сказал он.

– Ну и ну! – воскликнула Джуди. – И что же вы делаете? Запускаете по вечерам волшебные фонарики?

– Когда тебя отпустят домой? – спросил Маршалл.

– Нескоро! – крикнула Джуди в сторону открытой двери.

– Она думает, что если будет надоедать врачам, то ее отпустят раньше, – усмехнулся Дейв.

Джуди недовольно бросила ложку на поднос.

– Хочу миндальную булочку со сливочным кремом, которую готовят в кафе «Бетти»!

– Тебе нельзя булочки, – возразил Дейв. – Хватит кланчить. Из-за этих миндальных булочек ты здесь и оказалась.

Маршалла рассмешила их перепалка, а Дейв продолжил:

– Врач сказал, ей сделают стентирование. Нужно два или три стента, чтобы восстановить кровоток.

– У меня все в порядке с кровотоком, – парировала Джуди.

– Но не в сердце, – сказал Дейв.

– Прямо перед Рождеством! – снова завелась Джуди, выскребая из стаканчика остатки яблочного пюре. – Ну что за невезение! – фыркнула она и набрала еще ложку.

– Чем ты тут занимаешься в свободное время? – поинтересовался Маршалл.

– Строю планы, – ответила она. – И вспоминаю, что успела сделать. Думаю о тех, кого люблю, и о тех, кто мне не нравится. О том, что нужно сделать дома, а что лучше оставить как есть.

Маршалл аж присвистнул.

– Вот это да! Пара дней без работы – и ты превратилась в философа.

Джуди отложила поднос.

– Ничего подобного. Здесь так скучно, что впору рехнутьесь! – крикнула она в сторону двери.

Маршалл рассмеялся и отошел от ее койки.

– Марш! – окликнула она, и мужчина снова повернулся. – Я все думаю о той девочке, что мне помогла.

Маршалл кивнул.

– Не окажись она дома... То есть... если бы она в тот момент не уезжала... Можешь ее найти? – попросила Джуди.

– Попробую, – ответил Маршалл.

Дейв присел на краешек больничной койки.

– Мне передали, что девушка оставила машину Джуди на парковке у ресторана «Паттерсон». Я пока не успел ее забрать.

– Она официантка, – сообщила Джуди. – Ее зовут Кристи. Вроде бы.

– Я все сделаю, а ты отдыхай и думай о хорошем, – пообещал Маршалл и в дверях добавил: – Например, о теплой глазури и сливочном креме в твоей любимой булочке.

– Не стыдно издеваться над больной женщиной?! – крикнула Джуди ему вслед.

В понедельник, в половине пятого вечера в дверь постучали. Зак сорвался с места и распахнул дверь прежде, чем я *в очередной раз* ему напомнила: сначала надо посмотреть, кто стучит. К тому моменту, как я выбежала из кухни, сын уже успел поздороваться с миниатюрной женщиной, стоявшей на ступеньках. У нее были волнистые каштановые волосы до плеч, в руках она держала папку. Терпеть не могу торговых агентов и не умею их выпроваживать. Осознав, что на мне пижамный комплект с майкой, я поспешно вытащила из шкафа в коридоре куртку, надела ее и застегнула на молнию, после чего вернулась к Заку.

– Анджела Кристин Айсли? – спросила женщина.

У меня сердце зашло от страха: торговые агенты не называют людей полным именем. А вот госслужащие...

– Это я.

Она протянула мне визитку.

– Меня зовут Патриция Эддисон. Я из Управления по делам несовершеннолетних.

Я так перепугалась, что схватила Зака за руку.

– Иди в комнату.

– Но я хочу есть! – заканючил сын.

Я присела и прошептала ему на ухо:

– Возьми Хейли и уведи в комнату! Сейчас же!

Зак вырвался, взял сестренку за руку и потащил по коридору. Первое впечатление я определенно произвела не лучшее. Хороша мать! Приказала голодным детям идти в комнату. Что она обо мне подумает?..

Женщина казалась доброжелательной.

– Думаю, вы знаете, что к нам обратился ваш бывший муж.

Я ощутила резкий приступ тошноты и не нашлась с ответом.

– Миссис Айсли, я пришла просто поговорить. Могу я войти?

Я отодвинулась в сторону и удрученно подумала, что именно сегодня у меня бардак. По всей гостиной разбросаны игрушки, кухонный стол завален документами и счетами. Я указала госте на стул, и она села, отложив Женевьеву в сторону. Я забрала у нее любимую собачку дочери и присела на краешек дивана. Ко мне еще ни разу не приходили работники социальных служб. Руки замерзли, и я сцепила их в замок.

– Возможно, вы уже знаете, о чем сообщил нам ваш бывший муж. И я пришла, чтобы проверить его слова. Вам известно, в чем он вас обвиняет?

Я с трудом сдержала слезы и помотала головой.

– Он утверждает, что вас уволили с работы, а за детьми присматривают подростки.

В голове появилась пульсирующая боль. Откуда Брэд узнал, что меня уволили?

Миссис Эддисон процитировала свои записи:

– Дети недоедают и выходят на улицу без носков и обуви.

Глаза наполнились слезами, и я уткнулась в Женевьеву.

Миссис Эддисон тихо добавила:

– Ваш бывший муж хочет получить опеку над детьми.

По щекам потекли слезы, и я затрясла головой. Это же абсурд!

Миссис Эддисон достала из сумочки упаковку салфеток и протянула мне. Я взяла салфетку, чтобы промокнуть глаза.

Соцработница уперлась локтями в колени и добавила:

– Если я пришла, это еще не значит, что я верю вашему мужу.

Я подняла глаза, и она улыбнулась.

– Да, меня уволили, – призналась я, тщательно подбирая слова. – Но я уже нашла новую работу. Приступаю завтра.

– Куда вы устроились? – спросила она, делая какие-то заметки в блокноте.

– В кафе-пекарню «Бетти». – Я высморкалась.

Она улыбнулась.

– Я частенько там бываю. В какую смену вы работаете?

Я почувствовала себя глупо. Я даже не спросила Бетти,

когда мне выходить!

– Не знаю. Документы оформят в первый рабочий день.

Она кивнула и продолжила писать.

– Обычно дети в школе, – пояснила я. – Я приглашала няню только на каникулы перед Днем благодарения. Терпеть не могу оставлять их с подростками, но другие няни мне не по карману.

– Может, за ними присмотрит отец? – спросила соцработница.

Вопрос загнал меня в ловушку, и я попыталась выкрутиться:

– Он должен видиться с ними раз в две недели.

– Он мог посидеть с детьми вместо несовершеннолетних девочек?

– Я... – Голос дрожал. – Он уже шесть месяцев не платит алименты.

Соцработница продолжала быстро записывать.

– Вы подавали на него в суд?

Я вцепилась в Женевьеву.

– Несколько раз. Какое-то время он платит, затем перестает на целые месяцы, зато постоянно звонит мне и угрожает то одним, то другим. – Я замялась и добавила: – Я не могу непрерывно судиться с ним, и он это понимает. Для него это развлечение. Зачем ему видеть детей, если ему на них наплевать?!

Мне было, что сказать, вот только сил не хватало.

– Почему детей видели на улице без носков и обуви?

– Вообще-то в холодную погоду они не любят играть на улице, – ответила я, потом вспомнила недавнее происшествие и выпрямилась. – В субботу мне пришлось откачивать женщину, которая потеряла сознание прямо у моего дома, и они действительно выбежали ненадолго, но я сразу сказала им вернуться. Они пробыли на улице всего несколько секунд.

Я вдруг подумала, что миссис Мередит все-таки была дома и вполне могла наблюдать за нами из окна. В тот же день ко мне наверняка заходил Брэд, и если в это время она забирала почту, то точно рассказала ему об увиденном. Иначе как бы он узнал?

Патриция опять сделала какие-то заметки и прошла в коридор.

– Могу я поговорить с детьми?

Я поспешила за ней и открыла дверь в спальню Зака. В комнате был беспорядок, постель не заправлена, игрушки и одежда на полу. Я подошла к кровати, одернула простынь и одеяла, подоткнула их под матрас. Патриция осталась в дверях и наблюдала за детьми.

Увидев незнакомую женщину, Хейли подскочила в обнимку с Брауни.

– Вы любите собак? – спросила она.

– Я их просто обожаю! – ответила Патриция. – У меня есть одна настоящая и целая куча игрушечных.

– А как их зовут?

Патриция засмеялась.

– Настоящую зовут Лапочка, а имена игрушечных знают только мои дочери, я столько не запоминаю.

Тем временем я собирала и складывала игрушки в корзину для белья, которую мы держали вместо коробки для игрушек.

– Как прошли каникулы в честь Дня благодарения? – продолжила спрашивать Патриция.

– Нам не задали домашку, – ответил Зак. – Ненавижу домашку.

– Я тоже не любила делать домашнюю работу, – призналась Патриция и присела на кровать Зака. – А ты, Хейли? Тебе что-то задавали на дом?

– Ну, – задумалась девочка, – учительница без конца задает нам на дом буквы, мне это ужасно надоело. Мама заставляет сидеть за столом и писать, я от этого т-а-а-а-к устаю! – Она посадила себе на колени Малышку и Ушастика. – Мне не нравится писать буквы, и считать мне тоже не нравится, у нас слишком много кубиков. – Она взмахнула рукой.

– Я тоже не любила считать, – кивнула Патриция. – Вы уже готовы к Рождеству?

– Я всегда готова к Рождеству! – воскликнула Хейли.

– О каких подарках мечтаете?

– Я хочу лего «Космические приключения». Из него можно собирать космические корабли, любые стыковочные пор-

ты и всякое такое.

– Ух ты! – восхитилась Патриция. – Это, наверное, очень сложно. А ты, Хейли?

– Крылья! – выпалила Хейли. – Чтобы летать! Ночью я постоянно летаю, но днем я не могу летать, мне нужны крылышки.

Патриция улыбнулась.

– Ты тогда станешь прямо как принцесса фей!

Зак фыркнул.

– Она и так считает себя принцессой фей.

Патриция встала и пошла к выходу, перешагивая через игрушки.

– Не буду вам больше мешать. Пока!

Дети помахали ей на прощание, и я последовала за Патрицией в гостиную.

– Спасибо, Анджела. Знаю, вам неприятен мой визит.

Я испугалась того, что она может написать в отчете, и поспешно заговорила:

– Миссис Эддисон, я люблю своих детей. – Сердце гулко стучало в груди, в глазах снова появились слезы, пока я шла к двери. – Я бы никогда не навредила им. Я не понимаю, откуда взялась эта жалоба, и понятия не имею, что еще может сделать Брэд, но хочу, чтобы вы знали: за своих детей я буду бороться, Брэд их не получит! – Я вытерла слезы и открыла дверь.

Соцработница вышла и повернулась ко мне.

– Я не первый год на этой должности, – начала она. Я нахмурилась, не понимая, к чему она клонит, а она продолжала: – Я вижу разницу между беспорядком и антисанитарией и понимаю, когда детям хорошо, а когда они заброшены.

Она улыбнулась, и впервые с момента ее прихода я вздохнула свободно. Патриция прошла по дорожке, поправила волосы и добавила:

– Если снова будет не с кем оставить детей, позвоните в «Волонтерский центр Глории». Там помогают матерям-одиночкам и людям, попавшим в трудное положение. Присмотрят и за вашими детьми.

Я вышла за ней и закрыла дверь, чтобы дети случайно не услышали разговор.

– Миссис Эддисон, что будет дальше?

Она прищурилась от солнца.

– Я подам отчет. – Она помолчала, разглядывая дерево у пешеходной дорожки. – А дальше все зависит от вашего бывшего мужа.

Я тяжело вздохнула. Неужели это никогда не кончится?

– И что же, я должна позволить мужу увидеться с детьми в следующие выходные?

Патриция достала из сумочки солнечные очки и надела их.

– Нет, – ответила она, помолчала, будто решая, не сболтнет ли лишнего, и добавила: – В каждом штате свои законы. Ваш муж не платит алименты, и вряд ли в нашем штате най-

дется судья, который принудит вас допускать мужа к детям.

Она махнула мне на прощание, села в машину и выехала на дорогу задним ходом.

Я вернулась в дом и пошла на кухню, где чашки и блюда на столешнице соседствовали с цветными карандашами и раскрасками. Почему мне не удастся вырваться из замкнутого круга? Я постоянно борюсь за выживание, и, едва переведу дух, как приходится снова зарабатывать и экономить – и так без конца! Утренние телепередачи и вечерние новости пестрят сообщениями о всевозможных опасностях, газетные статьи пропитаны тревогой и отчаянием, дома рушатся, люди ненавидят друг друга настолько, что могут общаться лишь в суде, и Бог, в которого верит моя мать, совершенно бессилен. На что надеяться в таком мире? Куда обратиться за помощью?

Помощь была близко, буквально посреди дороги, только я об этом еще не знала.

Маршалл вошел в офис, и Джейсон откинулся в кресле.

– Не понимаю, чего ради Джуди пользуется этой древней программой, – заявил Джейсон, взял мышку и снова установился в монитор. – Как она?

– Ей установят два или три стента, – ответил Маршалл, повесив куртку на вешалку. – Сегодня.

– Пока не забыл: тебя искал какой-то парень из службы охраны.

Маршалл закатал рукава джинсовой рубашки.

– Кто и зачем?

Джейсон пожал плечами, не отрываясь от монитора.

– Я не спрашивал, как его зовут.

– Почему? – Маршалл явно был недоволен.

– Да я не подумал, что... – Джейсон не договорил.

Не дождавшись ответа, Маршалл спросил:

– Не подумал что? Что это важ...

Но Джейсон перебил его:

– Нет. Я просто думал, что он...

– Ты вообще кого-то слушаешь или только ждешь очереди

высказаться?

В этот раз Джейсон перебивать не стал.

– Я просто думал, что он зайдет еще раз или позвонит тебе.

– Как зовут девушку, которая сегодня встречает покупателей у входа?

Джейсон пожал плечами.

– Я сегодня зашел с черного входа.

Маршалл прошел в кабинет и открыл шкаф с документами.

– Тебе нужно сдать тест на знание магазина. – Маршалл уселся за стол, скрепил степлером два листа бумаги, записал что-то в нижней части второго листа и передал Джейсону. – Если сдашь тест, получишь оплату за неделю. Пока не сдашь – не заплачу.

Джейсон с улыбкой принял листы.

– Ты шутишь? Я здесь половину детства провел. Я знаю об этом магазине все.

– О магазине – возможно, – согласился Маршалл. – Но ты новый сотрудник, а новые сотрудники должны пройти тест.

Джейсон положил листы перед собой, взял карандаш и зачитал вслух первый вопрос: «Когда был основан универмаг „Уилсон“?» Он написал «1969», посмотрел на деда.

– Эта информация есть на плакате в витрине.

Маршалл улыбнулся и ушел к себе в кабинет. Джейсон строчил на странице: «В начале 1900-х здание занимали торговые ряды, затем – юридическая фирма и городская библиотека, а в 50-х – банк». Он с детства помнил, что бабушка и дедушка рассказывали об этом месте. «Основатели магазина – Маршалл и Линда Уилсон». По мнению Джейсона, задание просто смехотворное. Миссия магазина была высечена на табличке, висевшей на стене прямо перед ним, и он не мог сдержать смех, пока переписывал ее. Перевернув лист, Джейсон прочел десятый вопрос: «Напишите имя начальника службы ремонта». «Что? – удивился Джейсон, переворачивая страницу в поиске следующего вопроса. – Да какая разница, как его зовут?» Он наобум записал: «Тед» – и передал листки деду.

Маршалл надел очки для чтения и просмотрел результаты.

– Ты вспомнил все о здании. Впечатляет. – Он перевернул страницу, прочел ответ на десятый вопрос и бросил листы

на стол. – Нет, оплату ты пока не получишь.

– Это еще почему? Из-за ответа на последний вопрос? Я знаю, что постоянные сотрудники не проходят этот тест.

Маршалл открыл каталог продукции.

– Ты не являешься постоянным сотрудником.

Джейсон рассмеялся.

– Да зачем мне знать его имя?

– Неужели это так сложно?

– Слушай, если бы я работал здесь дольше, я бы знал.

Маршалл открыл шкаф для документов и убрал туда каталог.

– Уверен? Как зовут девушку, которая в первый день по-могла тебе донести багаж?

Джейсон фыркнул и покачал головой.

– Дениз.

– Неверно. У нее есть имя. Узнай, как ее зовут и как зовут начальника службы ремонта. – Маршалл передал ему тест. – Через несколько дней пересдашь. Я иду вниз, мне нужно поговорить с охраной, а ты пока забери машину Джуди у ресторана «Паттерсон».

– Как она туда попала? – спросил Джейсон.

Задания деда начали его раздражать. Сначала дурацкий тест, теперь какая-то непонятная поездка.

– Женщина, которая спасла Джуди, оставила машину у ресторана.

– Почему?

Маршалл взял пачку писем и пробежался глазами по отправителям.

– Потому что понимала, что Джуди вряд ли вспомнит, где была, когда у нее случился сердечный приступ. Она потратила свое время, чтобы нам не пришлось искать машину! – Он вскрыл письмо и выбросил его. – Джуди сказала, что это была официантка по имени Кристи. Пожалуйста, найди ее и возьми контактные данные. Джуди и Дейв хотят ее отблагодарить. – Маршалл взглянул на внука поверх очков и протянул ключи от машины Джуди, которые Дейв передал ему в больнице. – Ты все понял?

Джейсон тупо уставился на него.

– Ты что, хочешь, чтобы я занялся этим сейчас?

– Конечно, иначе ее машину эвакуируют.

Джейсон взял куртку и вышел вон. Он с трудом сдерживал раздражение. Маршалл поднял трубку и набрал номер.

– Алло, Линда? Слушай, он мне все нервы вымотал!

Перед обедом я решила забрать последний зарплатный чек в «Паттерсон». Я уже натянула джинсы и свитер и теперь ждала, пока Зак наконец согласится надеть куртку.

– Не хочу идти! – канючил он.

– Я тоже, – сказала я. – Но чек надо обналичить.

– Зачем?

Он никак не мог расстаться с пластмассовыми фигурками супергероев, так что мне пришлось освободить его руку, чтобы надеть один рукав.

– Если я не обналичу чек, мне нечем будет оплачивать счета.

Я уже подавала Заку второй рукав, когда он скинул куртку одним движением. Как же я от этого устала!

– Зак, надень.

Я снова расправила перед ним куртку.

– Закари, почему ты со мной постоянно споришь? Надень куртку и бегом в машину!

Сын вырвал куртку у меня из рук, но надевать явно не собирался.

– А я надела куртку, – похвасталась Хейли, глядя на нас.

Она была в фиолетовых штанишках, заправленных в резиновые сапоги, нарядном красном платье и джинсовой курточке с вышитой спереди мышкой Минни.

– Молодец, Хейли! – похвалила я, снова забирая куртку у Зака. – На улице холодно. Надень, пожалуйста.

Сын недовольно выхватил у меня куртку и наконец-то оделся.

Все парковочные места у ресторана были заняты, пришлось припарковаться на другой стороне улицы у магазина «Уилсон». В пожарной части уже кто-то суетился, развешивая рождественские украшения на окна. На площади старушка наряжала три елки, с ветвей свисали огромные лампочки. На скамейке в парке я заметила женщину и удивилась, как она еще не замерзла в такую погоду. Я бы решила, что она помогает женщине, наряжавшей елки, однако она

даже не смотрела в ту сторону. Мне это показалось настолько странным, что я не выходила из машины, ожидая, пока женщина двинется с места.

– Мам, мы зайдем в магазин игрушек? – спросила Хейли, увидев кукол, железную дорогу и мягкие игрушки, выставленные в витрине «Уилсон».

Я выключила зажигание и отрицательно покачала головой. В «Уилсон» я никогда ничего не покупала – то времени не хватало, то денег.

– Не сегодня, – ответила я, выходя из машины. – Мне нужно обналичить чек.

– А это долго? – уточнил Зак. – Давай зайдем хотя бы на несколько минут.

Кажется, отказывать детям входило у меня в привычку. Мне было совсем не до игрушек, однако я пообещала:

– Ладно. Только сначала заберем чек.

Открыв дверь в ресторан «Паттерсон», Джейсон сразу попал в набитый людьми зал ожидания. Он с извинениями протиснулся сквозь толпу и дождался хостес – замученную девушку с капельками пота над верхней губой. Вернувшись к стойке, та вычеркнула очередное имя.

– Я ищу Кристи, – сообщил Джейсон, наклоняясь к ней.

– Если она уже пришла, вы можете пройти к ней, – откликнулась хостес, забирая три меню из специального отделения на стойке, а потом вытянула шею и крикнула кому-то: – Джералд! Столик на троих!

– Она не гостья, она официантка.

– Она здесь не работает, – ответила хостес, сверилась со списком имен и снова крикнула: – Фитц! Столик на четверых!

– Мне сказали, Кристи работает здесь, – с нажимом повторил Джейсон и указал на улицу. – В субботу она приехала на той серой машине и оставила ее у ресторана.

Хостес обернулась и обратилась к официантке, которая несла поднос с напитками.

– Кристи здесь?

Официантка отрицательно помотала головой:

– Нет, извините. Но если надо, можем вместо нее позвать Лиззи.

Джейсон посмотрел на нее как на ненормальную.

– Нет уж, не надо, – ответил он.

Женщина на скамейке в парке повернулась и стала наблюдать за тем, как украшают елки. Определенно это была та самая женщина, которой я вчера объясняла дорогу. Она ничего не читала, не ела и ни с кем не разговаривала. Просто сидела на холодной скамейке. Мне захотелось подойти и спросить, пыталась ли она по моему совету устроиться в «Паттерсон», однако надо было спешить. На переходе я взяла Хейли за руку. Машина, которую я пригнала к ресторану в субботу, стояла на прежнем месте. «Наверняка ее владелица еще в больнице», – подумала я.

Когда мы с детьми подошли к двери ресторана, навстречу

выскочил молодой человек.

– Заняться мне больше нечем! – проворчал он, задев Хейли.

Дочка не удержала равновесие и села мне на ноги.

– Извините, – бросил мужчина на ходу и понесся дальше, даже не взглянул на дочку и не помог ей подняться.

– Какой он быстрый! – удивилась Хейли, хватаясь за мою руку.

– А еще невоспитанный, – поморщилась я, заводя ее внутрь.

Зал ожидания был полон: несколько гостей столпились вокруг новенькой хостес. Сегодня был ее первый рабочий день. За время моей работы в «Паттерсон» сменилось немало хостес. Девушка явно нервничала и потому усадила гостей сразу за два столика в секции Джин вместо того, чтобы распределить их по разным секциям. Наверняка Род опять не провел подробный инструктаж, обычное дело для него. Заметив меня, Рене подняла вверх указательный палец и скрылась в служебном помещении. Я отвела детей в сторону, чтобы не мешать гостям. Рене вышла из-за угла и улыбнулась.

– Рода нет, – сообщила она.

– Ну и хорошо, – сказала я, забирая у нее чек.

Рене достала из кармана банкноту.

– Вот, возьми. Это за твой столик в субботу.

Мимо прошла хостес с тремя посетителями.

– Я даже не приняла у них заказ, – отмахнулась я, убирая чек в кошелек. – С чего бы им оставлять мне чаевые?

Она улыбнулась.

– Не знаю, но они оставили.

Я посмотрела на деньги.

– Двадцать долларов?!

Рене округлила глаза. В «Паттерсон» никто никогда не оставлял больше пяти долларов чаевых, да и то редко.

– Нет, Рене, я не возьму.

Но она уже запихивала купюру в мой кошелек.

– Возьмешь. И перестань привлекать к нам внимание.

Она попыталась сбежать, но я поймала ее за руку, чтобы вернуть деньги.

– Рене, забери немедленно! Это твои деньги!

– Лучше отдай мне, – вмешался Зак, протягивая руку.

Я посмотрела на Рене и вздохнула.

– Ну зачем ты это сделала?

– Я просто передала тебе чаевые.

Рене обняла меня и скрылась за углом. Хостес неловко улыбнулась, и мы с детьми покинули ресторан как раз в тот момент, когда на пустое парковочное место кто-то заезжал.

– Она ведь только что была тут... – пробормотала я.

– Кто? – спросила Хейли.

– Минуту назад на этом месте была машина, – сказала я, разглядывая улицу. – А теперь ее нет.

Хейли потянула меня в сторону универмага «Уилсон»,

и Зак побежал впереди. Я пыталась найти глазами автомобиль той женщины, но его не оказалось даже на другой стороне площади. Хейли тянула меня все настойчивее, и я, махнув рукой, зашла за ней в магазин. С потолка свисали зеленые, красные и серебряные елочные шары, фигурки ангелов верхом на снежинках и эльфов с ярко упакованными подарками в руках. Над витриной с косметикой возвышалась рождественская ель, украшенная золотистыми фигурками ангелов и нитками искусственного жемчуга.

Отдел игрушек располагался внизу. Мы спустились по лестнице, любуясь перилами, увитыми красно-белой гирляндой. Прямо посреди зала была оборудована мастерская Санта-Клауса.

– Только не это, – пробормотала я себе под нос.

– Вот это да! – воскликнула Хейли, спрыгивая с нижней ступеньки.

Она подбежала к ограде, выполненной в форме имбирных человечков, и уставилась на огромный леденец, где были указаны часы работы Санты.

– Что тут написано? – спросила она меня.

– Санты сейчас нет, – ответила я.

Зато он появится через двадцать минут, и мне придется слушать, как дети перечисляют длинный список подарков на Рождество, на которые у меня просто нет денег. Они ринулись в проход между полками: Зак схватил магнитный конструктор, а Хейли держала по кукле Барби в каждой руке.

– Мам, давай купим? – попросил Зак, прижимая к себе коробку.

– Не сегодня, – ответила я. – Придем домой, составите список подарков, и я подумаю.

Зак вернул коробку на полку.

– Значит, не купишь, – вздохнул он.

– Может, Санта принесет! – не унывала Хейли.

– Нет никакого Санты, – буркнул Зак и нарочно задел сестру плечом, проходя мимо.

Я метнула на него сердитый взгляд, чтобы он попридержал язык. Было непонятно: он больше не верит в Санта-Клауса или просто убеждает себя в том, что тот не существует, чтобы не питать ложных надежд.

– Нет, есть! – сказала Хейли, следуя за ним хвостиком.

Надеясь отвлечь дочку, я взяла с полки куклу, которая пела, если потянуть за ожерелье на шее. Потом мое внимание привлекла коробочка с кукольным фортепиано, и я перевернула ее, чтобы посмотреть цену. Пятьдесят девять долларов! За одну игрушку! Я прошлась вдоль полок и увидела миниатюрный замок для кукол: тридцать пять долларов. Большая коробка игрушечной еды стоила двадцать долларов. Придется работать в «Бетти» сверхурочно, чтобы купить подарки на Рождество. Я взяла коробку в форме сердечка, которую ребенок должен раскрасить самостоятельно. Мне стало неприятно от мысли, что Хейли придется разбираться с раскраской без меня, но мне всегда не хватало ни времени, не терпе-

ния на такие занятия. Я читала инструкцию на коробке, когда услышала, как кассирша, невидимая за полками, с кем-то спорит. Она говорила тихо, но твердо. Я решила посмотреть, что случилось, и немного прошла вперед. В голосе молодого мужчины слышалось возмущение.

– Вы сказали «Счастливого Рождества!»

– Нет, я пожелала ей волшебного Рождества, – ответила женщина.

Я присела и начала подглядывать за ними из-за коробок. Кассирша выглядела лет за сорок. Одета в ярко-красный свитер, на шее – зеленый блестящий шарф.

– Это одно и то же, – продолжил мужчина. – Никто уже не говорит: «Счастливого Рождества!» Достаточно просто сказать: «С праздником!»

Женщина помолчала, а затем спросила, перебросив конец шарфа за спину:

– Это что, новая политика магазина?

– Нет, это то, что вам нужно делать!

– Кто распорядился? Твой дед? – Впрочем, кассирша не дала мужчине и шанса на ответ. – На Маршалла это не похоже, потому что это бред. Мы продаем не праздничные деревья, а рождественские деревья. Мы не продаем подарки к праздникам, мы продаем рождественские подарки! – Она явно чувствовала себя уверенно и наступала на молодого человека. – Мы собираемся не на праздничный ужин, а на рождественский ужин. Никто не обустривает ясли у себя во дворе

потому, что в праздники родился младенец. Люди приходят к нам в это время года не просто из-за праздника. Это Рождество! Ты хоть раз видел кого-нибудь, кто смотрит на календарь в декабре и говорит: «Ура, двадцать пятого декабря праздник!» Все говорят – «Рождество». Так что я буду желать покупателям счастливого Рождества!

– Ой, да делайте, что хотите, – буркнул молодой человек и стал подниматься по лестнице.

Я выглянула из-за полки с игрушками. Кассирша что-то бормотала себе под нос и обмахивалась бумажкой.

– Нет там никакой Кристи, – заявил Джейсон, заходя в офис.

Из кабинета выглянул Маршалл.

– Сейчас нет или вообще нет?

Джейсон уселся за стол и подвигал мышкой, выводя компьютер из режима ожидания.

– Вообще нет.

– Ты не спросил, может, ее кто-то знает?

Джейсон отрицательно покачал головой.

– Может, она работает в кафе «Лемон» или «Бетти». Надо было еще туда зайти.

Джейсон ловко прокрутил карандаш между пальцев.

– Зачем? Мы же нашли машину.

Маршалл разозлился.

– Дело не в машине, – произнес он, по одному выбрасывая зачерствевшие пончики в корзину для мусора. – Ты за этот

год вообще о ком-нибудь, кроме себя, думал?

Джейсон не ответил.

– Чужие проблемы хоть раз вызывали у тебя сочувствие, заставляли взглянуть на жизнь иначе?

– Наверное. – Джейсон пожал плечами.

– Наверное – значит, «нет». Все просто: та женщина спасла Джуди жизнь, и Джуди хочет отблагодарить ее, кем бы она ни была и где бы ни работала. Неужели так сложно понять?

Маршалл швырнул пустую коробку из-под пончиков в корзину и вышел из офиса.

– Да как я ее найду, если она там не работает? – спросил Джейсон у закрывающейся двери.

Мы с Заком и Хейли поднимались по лестнице, когда пожилой мужчина спросил:

– Ну как, все нашли, что искали?

– Маршалл! Мне нужно с тобой поговорить!

Я обернулась и увидела, что за нами, на ходу поправляя волосы, поднимается возмущенная кассирша из отдела игрушек. Куда бы ни направлялся этот мужчина, она явно шла по его душу, так что я не ответила на вопрос. Если кому-то действительно было бы интересно, я бы сказала: нет, не нашла ничего из того, что искала, и уже давно перестала надеяться.

Мне требовалось нечто, что заполнит пустоту в душе, прогонит тьму и страхи. Нечто, что поможет мне защищаться так же яростно, как кассирша защищала Рождество. Мне нужна была эта отчаянная надежда.

Я взяла детей за руки и пошла к машине. Мама оказалась права: иногда мы не получаем желаемого. Даже в Рождество.

Глава четвертая

Плотнее запахнув пальто, Джейсон побежал к служебному входу через парковку на заднем дворе. Двое грузчиков разгружали товар, но Джейсон сделал вид, что не заметил их, и быстро поднялся по лестнице. Затем он вдруг передумал и оглянулся: когда эти двое разговаривали, изо рта у них шел пар. Один из грузчиков поглубже натянул зимнюю шапку и несколько раз похлопал в ладоши, чтобы согреться.

– Эй! – крикнул Джейсон.

Мужчины повернулись к нему.

– Доброе утро!

Грузчики остановились, ожидая, по-видимому, пока он скажет, что ему нужно.

– Э-э-э... Парни, мы с вами не знакомы. Я Джейсон. Заменяю Джуди в офисе.

– Билл, – представился тот, что постарше. – А это Хатч. – Он указал на своего товарища в грузовике.

Джейсон сунул руки в карманы.

– Вы занимаетесь доставкой?

– И продажами, – ответил Билл, понижая натягивая шапку.

Войдя через заднюю дверь, Джейсон повторял про себя их имена всю дорогу до кабинета службы охраны. «Билл и Хатч, Хатч и Билл», – приговаривал он тихо, заходя внутрь.

Мужчина в кресле повернулся на звук открывающейся

двери. Ему было около тридцати.

Джейсон поздоровался и сказал:

– Я тут заменяю Джуди, забыл вчера спросить, как тебя зовут.

– Кевин, – ответил охранник, раскручивая на столе свое обручальное кольцо.

– Будем знакомы. А ты знаешь начальника службы ремонта?

– Ларри, что ли?

– Точно! Ларри. Извини, что отвлек.

Джейсон закрыл дверь, повторяя про себя: «Фил, Хатч, Кевин и Ларри. Хатч, Кевин, Фил и Ларри», пока шел по служебному коридору. Выглянув из-за угла, он хотел было направиться в отдел игрушек и выяснить имена работающих там сотрудниц, но увидел темнокожую женщину, с которой вчера повздорил, и отложил эту идею до более удачного времени. Шагая через две ступеньки, он поднялся на первый этаж. За стойкой отдела бижутерии и косметики стояли две продавщицы.

Сунув руки в карманы, Джейсон поздоровался и повторил то, что уже говорил грузчикам.

– Я Лора, – представилась женщина из отдела косметики. – А это Рената.

Джейсон кивнул и постарался запомнить удлинившийся список: «Фил, Хатч, Кевин, Ларри. Лора и Рената». Он наконец добрался до офиса и принялся искать на столе Джу-

ди стикеры или бумагу для заметок, чтобы записать имена, но ничего не нашел. В шкафу у противоположной стены имелись кое-какие канцелярские принадлежности, однако ни бумаги, ни блокнотов там не оказалось. Джейсон зашел в кабинет к Маршаллу и, открыв верхний ящик стола, неожиданно обнаружил у задней стенки, за упаковкой со скрепками, коробочку из ювелирного магазина. На темно-бордовом бархате лежало простенькое золотое ожерелье с небольшим бриллиантом.

– Попался!

Подкравшийся Маршалл застал его врасплох.

– Ты что, любовницу завел? – поинтересовался Джейсон, поболтав ожерельем в воздухе.

Маршалл повесил пальто на вешалку и расхохотался.

– Это подарок на годовщину.

Убрав ожерелье, Джейсон положил коробку на место.

– Такие вещи хранят в сейфах, – пожурил он деда.

– Здесь никто не возьмет, – отмахнулся Маршалл.

– И давно оно тут лежит?

Дед согнал его со своего места.

– Не помню, когда покупал.

– Зачем ты купил бабуле ожерелье с бриллиантом? Она же всегда говорила, что «лучший подарок – сделанный своими руками». Или просила помыть за нее посуду.

Маршалл рассмеялся и снова достал ожерелье, чтобы полюбоваться на него.

– Ты когда-нибудь видел красоту, которая вызывала бы у тебя восторг и смущение одновременно?

Джейсон уставился на ожерелье: ничего примечательного, кроме бриллианта, в нем не было.

– Да нет в нем ничего особенного.

– Вообще-то я говорил о бабушке. – Маршалл аккуратно уложил подарок в коробку и закрыл крышку. – Так что ты искал?

– Бумагу. Нигде не могу найти.

Маршалл прошел в мини-кухню, чтобы налить себе кофе, но обнаружил, что его никто не приготовил.

– Джуди как раз ехала покупать канцтовары, когда попала в больницу. – Он помахал в воздухе пустым кофейником. – Видишь, я без нее как без рук. Она никогда ничего не забывает. Позвони-ка Дереку в магазин канцтоваров, спроси, что она обычно покупает, и съезди за этим.

– Давай я сначала тест пересдам. – Джейсон понимал, что если не сделает это в ближайшее время, то имена выветрятся из головы.

– Свари мне кофе, а я пока подготовлю тест.

Мини-кухня приютилась прямо за копировальной машиной. Там была небольшая раковина, кофемолка и коробка любимого печенья Маршалла из пекарни «Бетти». Джейсон ополоснул кувшин, вставил новый фильтр и отмерил десять десертных ложек молотого колумбийского кофе. «Хатч, Фил, Кевин и Ларри. Нет! Билл, Хатч, Кевин и Ларри», –

бормотал он, включая кофеварку.

Когда Джейсон наконец добрался до теста, он быстро написал ответы на первые девять вопросов и застрял на десятом. Первоначальный вопрос Маршалл вычеркнул и написал поверх: «Как сегодня чувствует себя Джуди?»

Джейсон вздохнул. Следовало догадаться, что дед изменит вопросы. Он ответил: «Намного лучше, идет на поправку», перевернул следующую страницу и прочел последний вопрос: «Как зовут женщину, которая работает в отделе игрушек?» Джейсон покачал головой и написал: «Миссис Клаус».

– Попытка номер два, – сказал он, положив листки на стол Маршалла.

Тот надел очки и просмотрел ответы.

– Про Джуди выкрутился, молодец.

Джейсон улыбнулся.

– То есть ты не интересовался? – продолжил Маршалл, разглядывая внука поверх очков.

– Нет, – сдался Джейсон. – Знаю, должен был, но...

– Вчера Джуди установили два стента, а сегодня выписали.

Джейсон промычал что-то невразумительное, понимая, что дед просто хочет, чтобы его помучила совесть.

– Я думал, ты спросишь, как зовут начальника службы ремонта.

– А ты знаешь, как его зовут? – заинтересовался Маршалл, откидываясь в кресле.

– Да. Еще я узнал, как зовут парней, которые работают на доставке и в магазине. Фил и Хатч.

– Близко, но неправильно.

Маршалл вышел из кабинета и спустился за кофе.

– Итак, как зовут женщину из отдела игрушек?

Джейсон вздохнул и потер лицо руками.

– Понятия не имею.

– Ну, ты ее оскорбил. Прежде чем оскорблять кого-то, неплохо бы познакомиться.

Джейсон покачал головой, дед начинал действовать ему на нервы.

– Слушай, ну что ты взелся? Я понял: ты хочешь, чтобы я узнал имена сотрудников, но...

– Нет, – перебил Маршалл, откусив кусочек печенья с шоколадной крошкой. – Ты должен узнать не только имена, но и самих людей.

Джейсон обошел деда и налил чашку кофе.

– Ладно. Я выучу имена сотрудников и сдам тест еще раз.

Маршалл доел печенье и вернулся к себе в кабинет. Джейсон явно его не понял.

– Займись сегодня поисками Кристи, – велел он, закрывая дверь.

Джейсон зарычал и схватил куртку. Дед явно не оставит его в покое, пока не найдет Кристи. Он застегнул молнию и уже на выходе крикнул в сторону кабинета:

– Их зовут Билл и Хатч!

Вслед ему донесся смех Маршалла.

В мой первый рабочий день дети наконец-то пошли в школу. Последний день учебы приходился на восемнадцатое декабря, и я уже переживала, что останусь без няни на две недели рождественских каникул. Несмотря на то, что Элли не раз меня подводила, я оставила ей сообщение на автоответчик в надежде, что она посидит с детьми хотя бы часть времени. Мире я тоже позвонила: вдруг девочки смогут сменить друг друга. К тому моменту я как раз въехала на парковку за кафе «Бетти».

Автоматизированная система учета в кафе «Бетти» отличалась от той, что была в «Паттерсон», так что я совершала одну ошибку за другой и чувствовала себя очень глупо, бегая на кухню, чтобы исправить неверно оформленные заказы.

– Ничего, скоро научишься, – ободрила меня Карен, в очередной раз показывая, как отменить заказ.

Это была невысокая толстушка, блестящие черные волосы она коротко стригла, в носу у нее поблескивал пирсинг. В теплую погоду муж подвозил ее на работу на харлее. Клифф густо зарос бородой, отрастил пузо, а смех его был способен заглушить двигатель грузовика. Слезая с мотоцикла, Карен целовала его куда-то в усы, а он смачно шлепал ее по заднице.

– Когда заказ будет готов, тебя позовут на кухню, – объяснила Карен.

Это мне понравилось: в свое время я замучилась бегать

на кухню, чтобы уточнять готовность заказов.

– Бетти начинала работу всего с двумя сотрудниками и решила, что лучше крикнуть, чем носиться на кухню каждые две минуты. С годами это стало своеобразной традицией.

Карен помогла мне ввести заказ для семьи из четырех человек. Муж, жена и двое детей. Отец играл с маленьким сыном в крестики-нолики прямо на салфетке. Не могу без зависти смотреть на такие семьи.

– Вы забыли молоко для малышки, – заметила женщина, кивая на свою трехлетнюю дочь.

– Простите, сейчас принесу.

Я поспешила к станции официанта, налила молоко в пластиковый стаканчик и закрыла его крышкой.

– Вот, пожалуйста. – Я поставила стаканчик перед девочкой. – Еще раз извините.

– Мы приходим сюда раз в неделю, – сообщила женщина, нарезаая для дочери сладкие гренки. – Вы явно новенькая. Вряд ли вы сразу запомните наши имена: я Джули, это Клейтон, а эти два маленьких сорванца – Ева и Адам. – Она улыбнулась мне и добавила: – Главное, не обращайтесь внимания на всяких неадекватов.

Мужчина, сидящий за столиком с шестью товарищами, поднял свою кофейную чашку, подзывая меня.

– Это механики из автомастерской «Сити Авто Сервис», – пояснила Карен, передавая мне кофейник со свежим напитком. – Джек Эндрюс и компания. Они сюда не первый год

ходят, так что ты будешь часто их видеть.

Я разлила кофе по чашкам, унесла пустые тарелки и заметила за отдельным столиком двух пожилых женщин. Я не видела, когда они пришли, так что взяла два стакана воды со льдом и с улыбкой поспешила к ним. Женщины разбирали почту. Я поприветствовала их и поставила стаканы на стол.

– Так-так, кто это у нас тут? – заинтересовалась одна из них, в красной толстовке с мышкой, одетой эльфом. – Я тебя раньше не видела. Почему ты без бейджика?

– Глория у нас просто образец хороших манер, – сообщила вторая женщина. – Ей нужно колонку по этикету в газете вести.

Первая женщина засмеялась, и ее седые кудряшки запрыгали, словно пружинки.

– Я Глория Бейли, – представилась она, закалывая волосы.

– А я Мириам, – сказала вторая с акцентом, который я не смогла опознать. Ее безупречное каре играло всеми оттенками меда, а на правой руке красовалось кольцо с крупным бриллиантом.

– Я Кристин. Мне еще не выдали бейдж.

– Ты местная? – поинтересовалась Глория.

– Слушай, Глория, ну нельзя же так допрашивать бедную девочку прямо с утра? Дай ей освоиться на новом месте.

– Я просто хочу с ней познакомиться, – отмахнулась Глория. – Тебе бы тоже не мешало.

– Всех, кого надо, я знаю, и большинство из них мне не

нравятся.

– Вот видишь, Мириам только кажется милой, – вновь обратилась ко мне Глория. – А на самом деле та еще зараза.

Я не понимала, ссорятся они или добродушно подначивают друг друга.

– Откуда вы? – спросила я.

Дамы одновременно ответили, что из Джорджии и Англии. Глория сделала заказ.

– Мне луковый сэндвич с беконом, яйцом и сыром. И чашечку кофе. Мириам – яйцо всмятку, пшеничный тост и чашку чая «Английский завтрак». Хочется сказать, что мы любим разнообразие, но это не так. Мы живем на свете уже столько лет, что срослись со своими привычками и всегда заказываем одно и то же.

Я поспешила к компьютеру, чтобы ввести заказ, и опять долго мучилась с системой, потому что позади меня уже ждала своей очереди другая официантка. Таша училась в колледже и считала себя умнее меня. Впрочем, тут я с ней была согласна.

– Кажется, я опять ошиблась, – проговорила я виновато.

Таша посмотрела на монитор.

– Луковый сэндвич с беконом, яйцом и сыром, а также яйцо всмятку с пшеничным тостом. Отправляй. Если будешь столько возиться с каждым заказом, не успеешь обслужить всех. Тебя ждет посетитель за шестым столиком.

Молодой человек за шестым столиком в нетерпении по-

стукивал пальцем по меню. У него были золотисто-каштановые волосы, синие глаза и широкие, накачанные плечи. Я подошла к нему и улыбнулась. Отложив меню, он поздоровался и задержался на мне взглядом, так что я сразу вспомнила, что забыла нанести тени для век, а волосы убрала в небрежный хвост.

– Вы уже решили, что закажете, или мне подойти попозже?

– А подойдете именно вы? – уточнил он заинтересованно. Кажется, я покраснела.

– Я.

– Что ж, тогда я еще подумаю.

Он что, флиртует? Нет, не может быть. Он моложе меня, у него наверняка есть подружка. Я уже собралась отойти, однако мужчина меня остановил:

– Посоветуйте мне что-нибудь.

Я зачем-то улыбнулась. «Ну же, Кристин, возьми себя в руки!»

– Посетителям нравится сэндвич с беконом, яйцом и сыром.

– А вам нравится? – Когда он улыбнулся, на одной щеке появилась ямочка.

– Конечно, я люблю сэндвичи, – ответила я, чувствуя себя глупо.

На самом деле к сэндвичам я относилась равнодушно.

Я вернулась на кухню, чтобы проверить готовность зака-

зов. Это что сейчас было? Он со мной флиртовал? Нет. «Нет-нет – повторила я себе – конечно, нет». С мужчинами мне, мягко говоря, не везло. Я привлекаю только неудачников. После расставания с Брэдом я встречалась с двумя мужчинами, которые оказались еще большими неудачниками, чем я. Я покачала головой. Вряд ли парень за шестым столиком мог мною заинтересоваться. Выгляжу я так себе. И даже если он со мной флиртовал, то сразу перестанет, едва узнает про двоих детей. Я поставила заказ на поднос и положила на каждую тарелку веточку петрушки с ломтиком апельсина, захватив на станции официанта стакан воды и кофейник. Вывернув из-за угла, чтобы отнести заказ Глории и Мириам, я сразу почувствовала взгляд того парня.

– Если тебе интересно, – заговорщически прошептала Глория, – то он пялится на тебя.

– Он слишком молод, – сказала я, поставив перед ней сэндвич.

– Для тебя, может, и молод, – ответила та. – А нам с Мириам в самый раз!

Мириам громко рассмеялась.

– Т-с-с! – одернула их я. – Он же поймет, что мы его обсуждаем.

– Давайте придумаем ему кодовое имя, – предложила Глория, пока я наливала ей кофе. – Будем называть его Шон, раз он сидит за шестым столиком.

Мириам закатила глаза.

Я еще раз подошла к механикам, долила им кофе и оставила счет. Когда я обернулась, Шон улыбался, положив руку на спинку дивана.

– Готовы сделать заказ? – спросила я, заправляя за ухо прядь волос.

– Нет, но если я продолжу вас разглядывать и ничего не закажу, ваш босс будет недоволен.

Мое лицо стало того же цвета, что и свитер Глории. Все-таки мужчина счел меня достаточно привлекательной для флирта! Я словно вернулась в школьные годы. Он улыбнулся, и в животе у меня запорхали бабочки.

– Я закажу сэндвич, который вы порекомендовали. Какая там булочка?

– Луковая, – ответила я, записывая заказ. – К этому сэндвичу еще подают кофе.

Я ушла оформлять заказ, не зная, чего мне больше хочется: чтобы он пялился на мою задницу или все-таки нет. Глория и Мириам мне кивнули – значит, пялился. Я завернула за угол к станции официанта и спросила у Карен:

– Знаешь парня за шестым столиком?

Она обернулась, чтобы посмотреть, о ком я говорю, но я зашипела:

– Нет! Он смотрит прямо на нас!

Карен открыла витрину для выпечки и сделала вид, что передвигает тарелки, разглядывая посетителя через стекло.

– Я его не знаю, – заявила она, закрывая витрину, и выпря-

милась. – Никогда раньше не видела. Спроси Глорию и Мириам. Они всех знают.

Я ввела заказ в компьютер и возразила:

– Не всех.

Карен высыпала в лоток рядом с кофеварками пакетики с сахаром.

– Он все еще смотрит.

– И сразу перестанет, как только узнает, что у меня двое детей.

– Не факт!

Я поставила на поднос пустую чашку, кофейник и небольшой кувшинчик со сливками. А вдруг Карен права? Вдруг он из тех мужчин, которых не смущают дети? «Вряд ли», – одернула я себя.

Пока я шла к столику Шона, который не сводил с меня глаз, несколько посетителей попросили подлить им кофе. Я выставила на стол чашку, наполнила ее кофе и поставила рядом сливки.

– Предпочитаю черный, – сообщил Шон.

Я забрала кувшинчик со сливками и собралась уходить.

– Слушайте, – сказал вдруг Шон. Я остановилась и позволила себе еще немного полюбоваться на этого красавчика, – вы не знаете Кристи?

У меня чуть сердце не выпрыгнуло из груди. Так меня называл только Брэд! Выходит, он подослал этого парня, чтобы узнать, в какое время я работаю или что-то подобное, и затем

использовать это против меня. Значит, вскоре меня ожидает очередной суд либо звонок от бывшего мужа – разумеется, в вечернюю смену, когда меня не будет дома, – и куча сообщений с угрозами на автоответчике. Я убежала на кухню, чтобы прийти в себя. Разве можно быть такой дурой?! Мужчина интересовался мной совсем не в том плане...

– Все нормально? – спросила Карен, придерживая поднос на бедре.

– Да. Ты не могла бы подменить меня на шестом столике? Мне кажется, того парня подослал мой бывший муж. Он спросил про Кристи – так называл меня только Брэд. Он не знает, что это я. Карен, пожалуйста, не выдавай меня.

– Он тебе нахамил или еще что сделал?

Я помотала головой.

– Тогда с чего ты взяла, что его подослал бывший? Зачем ему это?

Я была раздражена и не желала ничего объяснять.

– Он только и ищет, к чему прицепиться, чтобы усложнить мне жизнь.

К счастью, Карен поняла, что я расстроена.

– Я им займусь, не волнуйся.

Я вернулась к компьютеру и закрыла столики, которые успела обслужить. Меня бросало в жар, а сердце бешено билось. Я чувствовала себя очень глупо и злилась. На миг я вновь ощутила себя красивой и окунулась в мечты о романтике, о том, что смогу наконец отвлечься от бесконечных

тревог и разочарований. Не стоило даже надеяться. Какая же я дура! Счет Глории и Мириам я тоже положила на поднос Карен: их столик был слишком близко к шестому.

– Спасибо, Карен.

– Не за что. Знаешь, тот тип не похож на негодя. Слишком много мнит о себе – это да. Не такой уж он красавчик, как ему кажется. Мой муж мог бы выкинуть его отсюда одной левой, но он не выглядит опасным.

Шон озирался в поисках меня, а Глория и Мириам явно вытрясли из Карен все подробности, пока она их рассчитывала. Впервые в жизни я была рада, что моя секция не заполнена посетителями, и с нетерпением ожидала их ухода. Я сбежала на кухню, чтобы нарезать еще апельсинов, дождалась ухода Шона и надеялась, что больше его не увижу.

Джейсон спрятал руки в карманы куртки и направился обратно в «Уилсон» через городскую площадь. Проходя мимо беседки, он вспомнил, как в детстве играл в ней с сестрой, пока родители и бабушка с дедушкой общались на скамейке неподалеку. Он всегда был супергероем, который спасает свою сестру от злодея по имени Тремор Темный. Глупое было имечко (его придумала сестра). Джейсон осмотрел здания на площади: вот красная пожарная часть, ее явно недавно перекрасили в более яркий оттенок; вон окна адвокатской конторы, украшенные огромными венками; а вон библиотека, куда они с сестрой по утрам приходили слушать сказки, и аптека-закусочная, в которую дедушка с бабушкой приво-

дили их поесть мороженого и конфет (разумеется, тайком от родителей, чтобы мама не знала, что внуков кормят вредной едой). Воспоминания рождали внутри теплое чувство.

Он вспомнил шустрых белок, скачущих по вязам, и детей, игравших на этой площади с родителями и собаками; хозяев магазинов, которые, увидев дедушку с бабушкой с корзинкой для пикника в парке, напрашивались на неизменные крекеры с сыром. Некоторым удалось сохранить свое дело даже спустя десятилетия; имена и вывески тех, кто работал недостаточно усердно, давно забылись. За крекерами с сыром обсуждали тех, кто прогорел, и тех, кому удалось разбогатеть, покупателей, которые переехали, завели детей или умерли, а когда посиделки заканчивались, дедушка брал его за руку, и они возвращались в «Уилсон».

Зазвонил мобильный, на экране высветилось имя Эшли. Джейсон уставился на телефон, раздумывая, стоит ли отвечать. Звонок отвлекал от воспоминаний о жизни городской площади, крекерах с сыром и миленькой официантке в кафе «Бетти», так что Джейсон убрал телефон в карман.

– Доброе утро, Джейсон! – поздоровалась знакомая девушка, едва он шагнул за порог магазина.

Джейсон попытался вспомнить ее имя, но не смог.

– Доброе утро. – Он прошел бы мимо, если бы не дурацкий тест Маршалла. – Не припомню, как вас зовут?

– Дебби.

Джейсон кивнул, уверенный, что теперь-то запомнит, по-

том заметил еще одну девушку, которая занималась манекенами в витрине.

– А это кто?

– Это Лорен.

– Ясно. – Джейсон мысленно поставил галочку.

Войдя в офис, он повесил куртку на вешалку.

– Я проверил все рестораны в центре, нет никакой Кристи.

Маршалл поджал губы и потер лоб.

– Что ж, видимо, из-за своего состояния Джуди неверно запомнила ее имя. По крайней мере, мы попытались. – Он посмотрел на Джейсона. – Печенье не забыл купить?

– Ты ничего не говорил про печенье.

– Вообще-то говорил.

– Нет. Забудь о печенье, иначе кончишь, как Джуди.

– Ворчишь, прямо как бабушка! – И Маршалл вернулся к себе в кабинет.

Джейсон уселся в кресло Джуди и крикнул вдогонку:

– Девушку, которая несла мой чемодан, зовут Дебби. Теперь ты дашь мне чек?

– Получишь чек, когда верно ответишь на все вопросы во время теста, а не после него. – Маршалл вышел из кабинета и подошел к рабочему столу, за которым сидел Джейсон. – Не хочешь помочь в «Волонтерском центре Глории»?

– Что еще за волонтерский центр?

– Школа для малоимущих родителей, где они также оставляют детей на время работы. Там всегда не хватает волонте-

ров. Утром мне звонила Глория Бейли, спрашивала, не знаю ли я кого-то, кто может помочь. Им очень не хватает свободных рук.

– Для чего? – спросил Джейсон, крутанувшись на кресле.

Маршалл забрал со стола Джуди стопку писем и выровнял ее на ладони.

– Познакомишься с людьми, которым нужна помощь. – Он хлопнул стопкой писем по ладони и вернулся в кабинет. – Было бы здорово, если бы ты сходил туда на этой неделе. Я сказал Глории, что на тебя можно рассчитывать.

Приятные воспоминания, навеянные беседкой на городской площади, мигом улетучились. Если бы Джейсону вздумалось заняться благотворительностью, он бы сам выбрал место, а не следовал указаниям деда.

– Когда снова пойдешь в кафе «Бетти», захвати печенье!

Джейсон заложил руки за голову и откинулся на кресле.

– Тебе нельзя печенье.

– Завтра будет в самый раз! – крикнул Маршалл из кабинета.

Утренний наплыв посетителей закончился в половине десятого. Я торопилась подготовить столики к обеденному нашествию: заново наполнила сахарницы и салфетницы, поставила баночки с кетчупом и горчицей. Заметив женщину у окна, я вернулась к станции официанта.

– Она не заказывает завтрак, – пояснила Карен. – Всегда берет вчерашнюю выпечку и чашку кофе. Она как будто не

в себе. Почти не разговаривает и не оставляет чаевых.

Я взяла меню и воду со льдом и направилась к посетительнице. Поставив перед ней стакан, я ее узнала: та женщина, которой я советовала устроиться на работу в «Паттерсон». Я поздоровалась, однако та даже не взглянула на меня. Не накрашена, на тонких руках просвечивают синие вены, а острые лопатки выпирают, будто она голодает.

– Вас взяли в «Паттерсон»?

Женщина растерянно подняла взгляд.

– Я говорила, что им нужна официантка.

Кажется, она меня узнала.

– Я была там и говорила с какой-то женщиной, но не заполнила заявление. Я раньше не работала официанткой, у меня все равно не получится.

– Бросьте, если я справилась, то у вас тем более получится! Кстати, меня зовут Кристин.

Она не назвала своего имени, и я снова обратила внимание на то, какие у нее длинные и худые руки. Несмотря на прохладный день, женщина была в футболке.

– Вы пришли без куртки? – спросила я.

Она кивнула.

– Вы, наверное, замерзли. У меня дети такие же: пулей вылетают на улицу, а я потом за ними гоняюсь, чтобы заставить одеться.

Я положила перед ней меню, но женщина его отодвинула.

– Вчерашнюю выпечку и чашку кофе, – попросила она.

Я забрала меню.

– Какую именно вы...

Она перебила:

– Без разницы.

Вместе с кофе я принесла ей кусок шоколадно-орехового пирога, так как он выглядел самым свежим, и вернулась к уборке и подготовке столиков в своей секции. Как женщина ушла, я даже не заметила. На столике лежали два доллара.

– Не оставила чаевых, – заметила я и положила деньги в кассу.

– Я же говорила, – ответила Карен.

В половине четвертого я закрыла последний заказ. В первый же день я познакомилась со многими постоянными посетителями: старичком, вставная челюсть которого была явно неудобной и щелкала, когда он делал заказ; Адрианом, чью кожу сплошь покрывали татуировки и пирсинг, так что его впору показывать на ярмарке как одного из самых необычных людей; толстушкой с ярко-оранжевыми волосами; Моникой, которая никак не могла утихомирить двух ожесточенно дерущихся сыновей-близнецов; механиками из городской автомастерской; Глорией и Мириам; студентами-азиатами, посещавшими кафе после уроков английского языка; матерью-одиночкой, которая звала своего кошмарного трехлетку в необъятном подгузнике исключительно Золотцем, и высокой угловатой женщиной, которая во время разговора то и дело закатывала большие черные глаза и сме-

ялась гортанным смехом. Несмотря на все их странности, эти люди были мне симпатичны.

Я бросила взгляд на настенные часы. Дети вернутся домой через десять минут. Я переживала, что несколько минут – пока я не приеду домой со смены – они будут дома совсем одни, и надеялась, что Брэд об этом не узнает.

– Ну, как первый рабочий день?

Я обернулась на голос. Бетти окликнула меня из кухни, где раскатывала тесто.

– Замечательно! Мне здесь очень нравится, – ответила я, стараясь изобразить радость на лице.

Она мотнула головой в сторону.

– Возьми домой тот пакет с позавчерашним печеньем. Держу пари, дети даже не заметят.

Я забрала печенье и лишь тогда ощутила голод: я ведь не обедала.

– И это тоже возьми. – Бетти кивнула на другой пакет. – Заказывали на вынос и не забрали.

Мне это показалось странным. Еще один заказ, который не забрали?

– Не возмешь – выкинем, – добавила Бетти, раскладывая тесто в форме для пирога.

Я накинула куртку и побежала к машине. Пока двигатель прогрелся, открыла пакет. Внутри оказался сэндвич из ржаного хлеба с индейкой, швейцарским сыром и беконом. Я попробовала и чуть язык не проглотила. Как же вкус-

но!

Зак придавил Хейли к сиденью, чтобы она не вскочила, пока автобус не остановится.

– Запомни: как только дверь откроется, беги к дому со всех ног! – велел он.

– А если она нас увидит? – спросила Хейли, держа свой розовый рюкзачок на коленях.

– Ничего страшного, – ответил Зак. – Но ни в коем случае не смотри ей в глаза! Посмотришь в глаза Летучей Мыши – умрешь!

Он поднял рюкзак Хейли на уровень глаз.

– Вот! Держи его перед лицом, чтобы случайно не встретиться с ней взглядом!

Автобус остановился, и Зак выскочил на тротуар.

– Бежим! Скорее!

Держа рюкзак перед глазами, Хейли понеслась к крыльцу по кривой траектории и споткнулась на лестнице.

– Я ничего не вижу! – пискнула она.

Увидев миссис Мередит, которая наблюдала за ними со своего крыльца, Зак остановился.

– Быстрее! – крикнул он Хейли, спеша к двери. – Летучая Мышь смотрит на нас! Хватай ключ и беги в дом!

Нашарив ключ под цветочным горшком, Хейли уронила его в клумбу. Зак бросил свой рюкзак на крыльцо, оттолкнул сестру и лег на живот, чтобы достать ключ.

– Нам повезло, что Летучая Мышь до сих пор нас не съе-

ла! – сказал он.

Он вставил ключ в замок, и дети ввалились в дом, тяжело дыша.

Когда я вернулась домой в двадцать минут пятого, дверь была не заперта. Я с порога позвала Зака и Хейли.

– Минуту! – крикнул Зак из своей комнаты.

– Сейчас же! – рявкнула я, вешая куртку.

В коридоре раздался топот, и я отправилась на кухню готовить ужин.

– Когда приходите домой, нужно обязательно запирайте дверь!

– Я забыл, – сказал Зак. – Мы бежали от Летучей Мыши и сразу спрятались в своих комнатах.

Мне хотелось рассмеяться, однако я отчитала его.

– Никаких «забыл»! Вы дома уже полчаса, всякое могло случиться. Вы должны напоминать друг другу запереть дверь. Даже если миссис Мередит на вас смотрит.

Зак явно расстроился. Ему, наверное, казалось, что я всегда на них ругаюсь. Я взяла пакет с печеньем и подумала: когда-то моя мама так же возвращалась домой из булочной.

– Смотрите, что я вам принесла. Печенье. Разрешаю съесть по одной до ужина.

Едва я открыла пакет, как Хейли бросилась ко мне и запустила руку внутрь.

– С кусочками шоколада! – взвизгнула она радостно.

Я протянула пакет Заку, но он не взял. Тогда я сама до-

стала печенье и отдала ему.

– Я не злюсь, – шепнула я ему на ухо. – Просто не хочу, чтобы с тобой и Хейли что-нибудь случилось.

Зак взял печенку, разом откусил половину и предложил:

– Давай сегодня нарядим елку!

Я достала из шкафчика кастрюлю.

– Только не сегодня. Я очень устала.

– Ты всегда усталая, – заметил он, доедая вторую половинку. – Я уже принес елку, посмотри!

Он указал в угол гостиной, куда притащил из сарая наше бедное деревце, не выше его самого. Я вздохнула.

– Мам, у всех уже гирлянды на окнах! Даже Летучая Мышь поставила елку у окна! Давай нарядим, а?

Возразить мне было нечего. Зак хотел сказать еще что-то, но я ему не дала.

– Сделай хотя бы часть домашнего задания, пока я готовлю ужин, а потом займешься елкой.

Он поскакал в свою комнату, а я подошла к журнальному столику у дивана, чтобы освободить место для елки.

– Мам, а Санта подарит мне крылышки, как у феи, чтобы летать? – спросила Хейли.

Она явно тянула время.

– Не знаю, детка. Тебе тоже пора делать домашнюю работу.

– Ненавижу домашку! – заявила она, и изо рта у нее посыпались крошки.

– Тебе всего-то и надо, что писать одну и ту же букву. Какая там у вас сегодня? «Е»?

Дочь скрестила руки.

– Нет! «Ж»! Ненавижу «ж»! Она сложная, я на нее ни одного хорошего слова не знаю!

Я сняла со столика лампу и фотографию и поставила их на пол.

– На «ж» есть много хороших слов. Например, жара.

– Не люблю жару, – сказала Хейли, доедая печенье. – Я в жару вся мокрая.

Я застелила столик салфеткой и установила на него елку. Дерево выглядело жалким.

– А как насчет животных?

– Животных я люблю! – Хейли полезла в пакет с печеньем.

Я забрала у нее пакет и положила на диван.

– Тогда думай о животных, пока будешь писать букву «ж».

Дочь принялась хныкать, пока я вытягивала и расправляла веточки рождественской елки.

– Не хнычь, Хейли. Это ни к чему не приведет. Иди и пиши букву «ж». Если бы не тянула время, давно бы закончила.

Хейли сгорбилась и, обиженная, ушла.

– Мам! – тут же донесся голос Зака. – Ты мне поможешь?

Я вздохнула. Каждый вечер одно и то же: ужин, уборка, домашняя работа, стирка, счета – и все это нужно делать одновременно, а теперь еще и елку наряжать! За вечер дети

дергают меня не менее пятидесяти раз. Я достала из шкафчика банку с томатным соусом и открыла ее.

– Зак, давай после ужина.

– Но ты сказала мне начинать сейчас!

– Ладно, подожди.

Я вылила соус в кастрюлю и начала наполнять водой другую кастрюлю, как вдруг постучали в дверь. Выключив воду, я пошла открывать. Через окошко в двери я узнала своего домовладельца. Я просрочила декабрьский арендный платеж.

– Здравствуйте, Эд, – сказала я, открывая дверь. – Простите, что задерживаю оплату. К концу недели все отдам.

Его лицо было бесстрастным – плохой признак.

– Прости, Кристин, – начал он, и мое сердце упало; я сразу поняла, что он скажет дальше. – Я всегда хорошо относился к тебе, но последние четыре месяца ты вносишь платежи частями.

Я вышла на крыльцо, чтобы дети не услышали наш разговор.

– Я все понимаю, но я ведь всегда возвращаю долги.

Эд опустил глаза и отбросил ногой сосновую шишку.

– Это верно, и только поэтому я тебя не выселял. Восемь месяцев назад я поднял ренту всем, кроме тебя. Я понимаю, одной тяжело, но мне нужно выплачивать ипотеку за это жилье. Как только я подниму оплату, ты ее не потянешь.

Он передал мне письмо.

– Я прошу тебя съехать к концу января. Извини.

У меня перехватило дыхание. Я провожала взглядом его автомобиль, не в силах сдвинуться с места и вернуться в дом. Я сразу отбросила мысль о том, чтобы попросить маму о помощи. У нее попросту не водилось таких денег, да и стыдно просить о помощи. В доме зазвенел телефон, я вернулась на кухню, с трудом переставляя ноги. На экране высветился номер Брэда. На меня нахлынула жгучая ненависть к бывшему мужу, его звонкам и парню, которого он подослал в кафе. Меня тошнило от нескончаемой борьбы, тревоги и неспособности вырваться из замкнутого круга.

Зак снова позвал меня из своей комнаты, и я бессильно уткнулась в кухонное полотенце, так и не взяв трубку.

Известие Эда выбило почву из-под ног, так что у меня не осталось ни сил, ни желания наряжать елку, и я принялась распутывать гирлянды и вдевать крючки в елочные шарики. Я позволила Заку навешать на елку столько огней, что из окна, наверное, казалось, что в доме пожар, а Хейли – разложить на каждой ветке ватные шарики, призванные изображать снег. Я не сказала ни слова, когда эти шарики осыпались на стол. Как только на ветку повесили последнего снеговика, я отправила детей чистить зубы и спать.

Зак и Хейли жили в одной комнате, пока три месяца назад сын не заявил, что сестра слишком много болтает и не дает ему уснуть. Им нужны были отдельные спальни, но этот дом – все, что я могла себе позволить. Я поцеловала Зака в лоб

и подтянула одеяло повыше.

– Мам, почитай сказку.

– Не сегодня.

– Вчера вечером мы тоже легли спать без сказки.

– Мы сегодня допоздна наряжали елку. Я лучше завтра вам подольше почитаю.

Зак мне явно не поверил, и я его не винила. В его глазах я была не лучшей матерью. Я еще раз поцеловала его, прошла по коридору и отправилась к себе в спальню, чтобы как следует укрыть Хейли.

Она схватила меня за руку, не давая уйти.

– Мам, ложись спать.

– Не могу. Нужно помыть посуду.

– Ну посиди со мной, пока я не усну. – Она закрыла глаза. – Вот видишь, я уже засыпаю.

Я попыталась высвободить руку, однако Хейли, не открывая глаз, запищала: «Пожалуйста-пожалуйста», и я осталась. Я села на одеяло и провела рукой по лбу дочери. На кого она похожа? Точно не на Брэда, а от меня у нее только волосы. Прочие ее черты были мне незнакомы. Может, она похожа на моего отца? Я часто рассматривала себя в зеркало, гадая, есть ли у нас с ним что-то общее.

Я пробежалась пальцами по руке Хейли, и она улыбнулась, притворяясь спящей. Сколько ей будет, когда она впервые столкнется с жестокостью мира, как это было со мной, и утратит детскую чистоту? Это может произойти во время

следующего ожесточенного противостояния с Брэдом или позже, когда другой ребенок станет дразнить ее из-за кривых зубов или из-за того, что она просто слабее. Сколько ей будет, когда она сама начнет строить свою жизнь, и будет ли она к этому готова? Мягкая улыбка исчезла, и Хейли слегка приоткрыла рот во сне. На прикроватной тумбочке лежали детские книжки и мои любимые романы. Я взяла в руки «Гордость и предубеждение» и открыла там, где остановилась в прошлый раз. За три месяца я всего три раза открывала эту книгу. Сердце колотилось в груди, когда я думала о требовании Эда, притязаниях бывшего мужа и наступающем Рождестве. Я спустила ноги с кровати, поцеловала Хейли в лоб, и мне вдруг захотелось быть такой, как она: доверять, несмотря на плохие вести, смеяться, допуская ошибки, радоваться даже в тяжелые времена и верить в силу добра, невзирая на опасности, которые встречаются на пути.

Я вернулась в кухню и оглядела беспорядок на столах, счета в корзинке, письмо Эда, пожелтевшие стены и белые шкафчики. Как же я устала от этих белых фасадов, за которыми скрывались пожелтевшие стены! Прямо как моя свадьба – пыль в глаза, даже вспомнить нечего! Мне остро не хватало ярких красок и окна, которое бы впустило свет.

Я открыла ящик комода, достала блокнот и ручку и, как в детстве, написала рождественское письмо Богу: «Господи, помоги мне». Я убрала письмо в конверт, положила под елку и пошла спать.

Глава пятая

Маршалл ждал, пока на том конце снимут трубку.

– Дуайт, до годовщины осталось три недели. Можешь заказать те цветы, которые мне показывала твоя сотрудница?

– Какие ты выбрал?

– Те, с непроизносимым названием. И все прочие тоже. А еще пошли смешанный букет Джуди. Она, конечно, будет ворчать, что хотела шоколадку, но цветы полезнее.

Дуайт рассмеялся.

– Что написать на карточке?

– «Выздоровливай скорее, пока я его не прибил». Она поймет.

Было слышно, как Дуайт записывает послание.

– Подготовим к двадцать третьему декабря, – сообщил он.

Маршалл отключился, достал из стола ожерелье с бриллиантом и взвесил на пальцах. Говорили, что он избаловал Линду, но он считал, что все как раз наоборот. Маршалл скукал по ее голосу и снова набрал номер.

Глория разбирала почту.

– Поздравительная открытка от семьи Фуэнтес. Смотри, какое милое фото Луиса. – Она передала карточку Мириам.

– Когда он уже вырастет!

Глория убрала фотографию в конверт.

– Невероятно! Ты даже в Рождество не выбираешь выра-

жения! – Она открыла следующий конверт и ахнула. – О, боже! – Глория быстро огляделась, положила открытку на стол и облокотилась на локти. – Кому это только в голову пришло?!

Мириам стащила открытку.

– Ну, я не сыщик, но сейчас разберемся. – Она начала читать: – «Дорогая Глория!» Ага, это ты. «Не могу выразить всю глубину нежных чувств, которые я испытываю к тебе. Ты невероятно красивая женщина, и я буду счастлив, если ты согласишься встретиться со мной». Подписи нет, так что варианта два: либо он из исправительного учреждения и вынужден скрывать свою личность, либо это тайный поклонник.

Глория одернула толстовку и заколола непослушные локоны набок.

– Ой, да брось ты прихорашиваться. Кто бы это ни был, он давно разглядел тебя во всех подробностях. – Мириам продолжила читать: – «Если ты не против, я бы хотел встретиться и пообщаться. Пожалуйста, не отвергай меня сразу. Скоро я пришлю новое письмо».

Глория закрыла лицо руками и сползла под стол.

– Ты что творишь? – изумилась Мириам.

– Последний раз я была на свидании сорок лет назад. Да нет, больше! – Глория что-то подсчитала на пальцах. – Целых сорок четыре года!

– Сейчас же сядь прямо! Ты ведешь себя, как ребенок, –

зашипела Мириам через стол.

– Доброе утро, дамы! – поздоровалась я, подойдя к столу. – У вас все в порядке?

– Ну, у Глории объявился тайный поклонник, – сообщила Мириам, помахивая письмом в воздухе.

Я ощутила укол зависти. Как же мне этого не хватало: чтобы кто-то так же сильно хотел быть рядом и нуждался во мне, как я нуждаюсь в своих детях, когда покидаю их. Однако я улыбнулась и ничем не выдала своих чувств:

– Так это же здорово! – Я поставила на стол чашки с чаем и кофе. – Есть идеи, кто это?

Глория затрясла головой.

– Нет. Ни единой! Кому только в голову пришло... Да я за всю жизнь встречалась лишь с одним мужчиной! Мне нужна помада!

Она полезла в сумочку, а Мириам, иронично покачав головой, переключилась на меня:

– А что насчет того красавчика?

Я принялась сосредоточенно строчить заказ, перебив ее прежде, чем она спросит о Шоне.

– Нет никакого красавчика. – И тут же зачитала заказ, чтобы дамы проверили: – Луковый сэндвич с беконом, яйцом и сыром, яйцо всмятку и пшеничный тост.

– Совершенно верно, – подтвердила Глория. – Ты нас уже вдоль и поперек изучила. Прямо мурашки по коже!

Я улыбнулась и пошла к станции, чтобы завести заказ в

систему. Мне было немного стыдно, что я так быстро прервала разговор. Один из четырех страховых агентов за шестым столиком кивнул мне, чтобы я подлила кофе, и я поспешила к нему, поражаясь чьей-то неуклюжей попытке очаровать Глорию. Порой работа начинала меня утомлять.

– Пс-с! – подозвала меня Мириам, когда я проходила мимо. – Шон вернулся! – сказала она шепотом.

Кровь прилила мне к лицу, а руки тряслись, пока я наливала Глории кофе. Я будто наяву услышала смех Брэда, голос мамы, которая уговаривала меня не выходить за него замуж, и собственный внутренний голос, напоминающий обо всех невзгодах и разочарованиях. Сквозь эту какофонию едва пробивалась мысль о том, что еще не все потеряно и, может, мне однажды повезет... Однако внутренний скептик заглушил ее.

Я увидела Шона боковым зрением, но не отважилась повернуться и поприветствовать. Прихватив кувшинчик со сливками, я вернулась на кухню.

– Он здесь! – отчаянно прошептала я Карен и стала перебирать фартуки на стене.

– Кто? – не поняла она, забирая заказ.

Я нашла фартук с бейджем, сняла бейдж с чужим именем и прикрепила на свою форму.

– Вчерашний парень! Ты не могла бы...?

– Нет, – сразу оборвала меня Карен. – Я и так не успеваю.

В горле пересохло. Зачем он вернулся? Чего добивался?

Лучше бы я вчера взяла трубку и выслушала угрозы Брэда! Я вышла из-за угла и поспешно разнесла два стакана с водой новым посетителям. Я поприветствовала их, а затем подошла к третьему столику и поставила стакан перед Шоном.

– О, у тебя появилось имя! – сказал он.

Я замерла.

– Что?

Он указал на бейдж.

– Вчера ты была без бейджа. – Шон наклонился вперед, чтобы прочесть имя. – Розмари? – удивился он. – Как-то ты не похожа на Розмари.

– Моя мама считала иначе.

Он примирительно поднял ладони кверху.

– Я не хотел тебя обидеть. У тебя очень красивое имя. Я очень рад, что его узнал. Нужно было спросить еще вчера. Дед был бы мной недоволен. – Он улыбнулся, надеясь, что я растаю.

– Что будете заказывать?

– А что ты мне порекомендуешь? – Он закинул руку на спинку дивана, а я уставилась в планшет с бланком заказа.

– Посетители хвалят вареное яйцо с пшеничным тостом.

– Годится. Что еще посоветуешь?

Его самодовольная физиономия живо напомнила мне о Брэде.

– Что вы здесь делаете? – строго спросила я.

Он убрал руку со спинки дивана.

– Пришел перекусить.

– Нет, вы пришли не за этим.

Он огляделся и снова посмотрел на меня.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.